

РОСТЁР

август

1956

Он стоит на досчатой крыше,
Чуть прищурив глаза от солнца;
В небо утреннее всё выше
Улетают его питомцы.
Им открылись такие дали!
И парнишка глядит, мечтая,
Как над флагами Фестиваля
Голубиные взмоют стаи.
Люди стран и наречий разных,
Что мечтою одной согреты,

На веселый, радостный праздник
К нам приедут со всей планеты.
Вьются голуби, ввысь взлетая,
Серебрятся в лучистом свете...
Пусть друзья в этой шумной стае
И его голубков заметят!
Он стоит с улыбкой счастливой,
Смотрит с гордостью и волнением,
Как парят над ним горделиво
Птицы снежного оперенья.

Николай Новосёлов.

ВОСТЁР

2

АВГУСТ ★ 1956

Ежемесячный детский журнал

Ц К В Л К С М И С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

Сын геолога

Улетают к югу птицы, —
Вот и осень, наконец.
Значит, скоро возвратится
Из поездки мой отец.

В черной кожаной тужурке,
В круглой шапке меховой,
Он войдет и крикнет: «Шурна!
До чего ж ты стал большой!»

И тогда мы сядем на пол
И раскроем чемодан:
Что привез с собою папа
Из суровых горных стран?

Скажет: «Получай, сынишка!
Ты просил — и я достал
Кедра смоляную шишку,
Кварца дымчатый кристалл...»

У меня есть желтый ящик
Для коллекции моей.
В нем не мало настоящих
Изыскательских вещей:

Компас со стрелой упрямой
И рюкзак — подарок мамы.
Толстый кожаный ремень,
И кресало, и кремьень...

Разложу сокровищ груды —
Интересно, как в кино!
Путешественником буду,
Это я решил давно.

Оглядишься у порога —
Север, запад, юг, восток...
Хорошо, что в мире много
Неразведанных дорог.

Лев Стекольников

Государственное Издательство
Детской литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград 1956

ЛАСТОЧКА

Е. Верейская

Рисунки Н. Лямина

Усадьба помещика и фабриканта Рыжова отстояла от его фабрики всего на полтора километра, но хозяин не привык ходить пешком. Утром кучер Григорий отвозил его на фабрику в удобной коляске, а к вечеру приезжал за ним.

Лошадей у Рыжова было много, но ездил он только на своей любимице — вороной тонконогой и горячей Ласточке.

Однажды — это случилось летом 1907 года — кучер Григорий чистил в дверях конюшни Ласточку. Кобылица нетерпеливо перебирала ногами, но два ремня, протянутые с двух сторон от недоуздка к притолокам двери, держали ее на месте.

Сынишка Григория восьмилетний Гришутка бегал во дворе и вдруг увидел возле конюшни дядю Сережу — старого друга отца, рабочего с фабрики Рыжова.

Гришутка знал, что на фабрике забастовка и полиция уже арестовала «зачинщиков». Он подбежал поближе, чтобы послушать, о чем будет говорить отец с дядей Сережей.

— Какие новости? — тихо спросил отец, продолжая водить скребницей по лоснящейся спине Ласточки.

Дядя Сережа огляделся, зашел в конюшню и стал за дверью, чтоб его не видели со двора.

— Бастуем, — сказал он так же тихо. — Человеческой жизни добиваемся! Управляющего и мастеров — тех, что не с нами, — на тачке с фабрики вывезли. Сами — во-

рота на запор! — дядя Сережа засмеялся. — На свою голову обнес хозяин фабрику заборищем! Да еще гвоздей сверху понатыкал! Поди достань нас теперь!

— Та-ак, — еще тише произнес отец и, помолчав, сказал: — Слышал я, хозяин грозил, если не прекратите забастовку, завтра к вечеру казаков на фабрику пригонят.

— Того и ждем, — прошептал Сергей, — и ружей на такой случай запасли, да только...

Но тут Григорий вдруг увидел сынишку.

— А ну-ко, Григорий Григорьевич, нечего тебе тут делать, ступай-ко, ступай!

Гришутка нехотя отошел, но, только отец отвернулся, снова на цыпочках подкрался к двери.

— Хозяин сам их вам привезет. Сам! Понятно? — говорил отец.

— Как так? — удивленно спросил Сергей.

— Увидишь. Чуть стемнеет, неси сюда весь запас.

Они еще пошептались недолго.

— Ну, — весело сказал дядя Сережа, — если выйдет дело, зададим же мы перцу и хозяину и полиции!

Гришутка из всего разговора понял одно: рабочие зададут перцу полиции! Полицию он терпеть не мог. Забыв об отце, на радостях сунул два пальца в рот и свистнул. Только на днях научили его деревенские ребята так лихо свистеть!

И тут — как взвывается на дыбы испуганная свистом Ласточка! Один из ремней оборвался. Ласточка рванулась боком из конюшни, Григорий едва успел ее схватить под уздцы и всей тяжестью повис на недоуздке. Ласточка хрюпала, била ногами, косилась горящим черным глазом на остолбеневшего от испуга Гришутку.

— Ну-ну, глупая! Ну, чего вообразила! Дурака-мальчишки испугалась! — успокаивал ее Григорий, ласково глядя ладонью по крутой шее. — Нервная, — сказал он Сергею, — да зато умница! Порядок знает. Мне и править ею не надо! Как вылетит со двора так одним духом — до фабрики. Влетит в фабричные ворота, — я и вожжами не шевельну, встанет сама перед дверью конторы как вкопанная... Отцепи-ко ремень, введу ее в стойло.

Дядя Сережа взял Ласточку под уздцы с другой стороны. Дрожа всем телом и раздувая ноздри, кобылица продолжала плясать, пока ее вели в денник.

Гришутка, полуоткрыв рот, всё стоял на месте.

— А-а, ты еще тут? — увидел его отец, выходя из конюшни, — будешь мне лошадей пугать?! Уши оборву, постреленок! — и он двинулся было на Гришутку, но тот увернулся и вмиг исчез за углом конюшни. Отцу, когда сердит, лучше под руку не попадаться! Где бы спрятаться? Да так, чтобы папка не нашел, пока у него сердце не отойдет. Домой идти нельзя...

Гришутка незаметно скользнул в приоткрытую дверь каретного сарая, залез под коляску и притаился. Поди-ко найди! Он свернулся калачиком на холодном, шершавом полу и скоро задремал, а когда открыл глаза, было уже совсем темно.

Дрожа всем телом от озноба, он поднял голову и прислушался. Где-то близко раздавались шаги и совсем тихие голоса. Дверь скрипнула, приотворясь. Вошли двое и направились прямо к коляске. Гришутка весь сжался на полу — ни жив ни мертв, стараясь не дышать...

— Вот эта, — услышал он голос отца. — Поднять сиденье, под ним ящик. Туда и положим.

— Ловко придумал! — ответил другой человек, и Гришутка узнал голос дяди Сережи. — Только, Гриша, смотри, не попадись! А то и нас не выручишь, и сам в тюрьме насидишься.

Григорий усмехнулся.

— Чудной ты! Неужто хозяин в ящик под сиденьем полезет, на что ему? — Он

встал на подножку и поднял мягкое сиденье. — Клади!

Дядя Сережа обошел вокруг коляски, встал на другую подножку, и что-то очень тяжелое стукнуло о дно ящика под сиденьем прямо над головой Гришутки. Звякнули рессоры.

— Вот и ладно. Дойдет к вам в целости, а уж достать — ваше дело, — сказал отец, и оба вышли.

Фу, пронесло! Гришутка с облегчением вздохнул. Теперь его заедало любопытство. Что спрятали под сиденьем?!

Гришутка осторожно вылез из-под коляски, встал на подножку и, натужась, приподнял сиденье. Сунул под него руку — и пальцы наткнулись на неотесанную крышку деревянного ящика. Попробовал сдвинуть. Ого, какой тяжелый, не поддается!

Он опустил сиденье и скрепя сердце побрел домой. Нагорит от папки!.. Но дома всё обошлось без шума. Мать хлопотала у печки, отец не сказал ни слова. Лицо его было сурово и озабочено. Забыл, видно, про Гришуткины уши!..

* * *

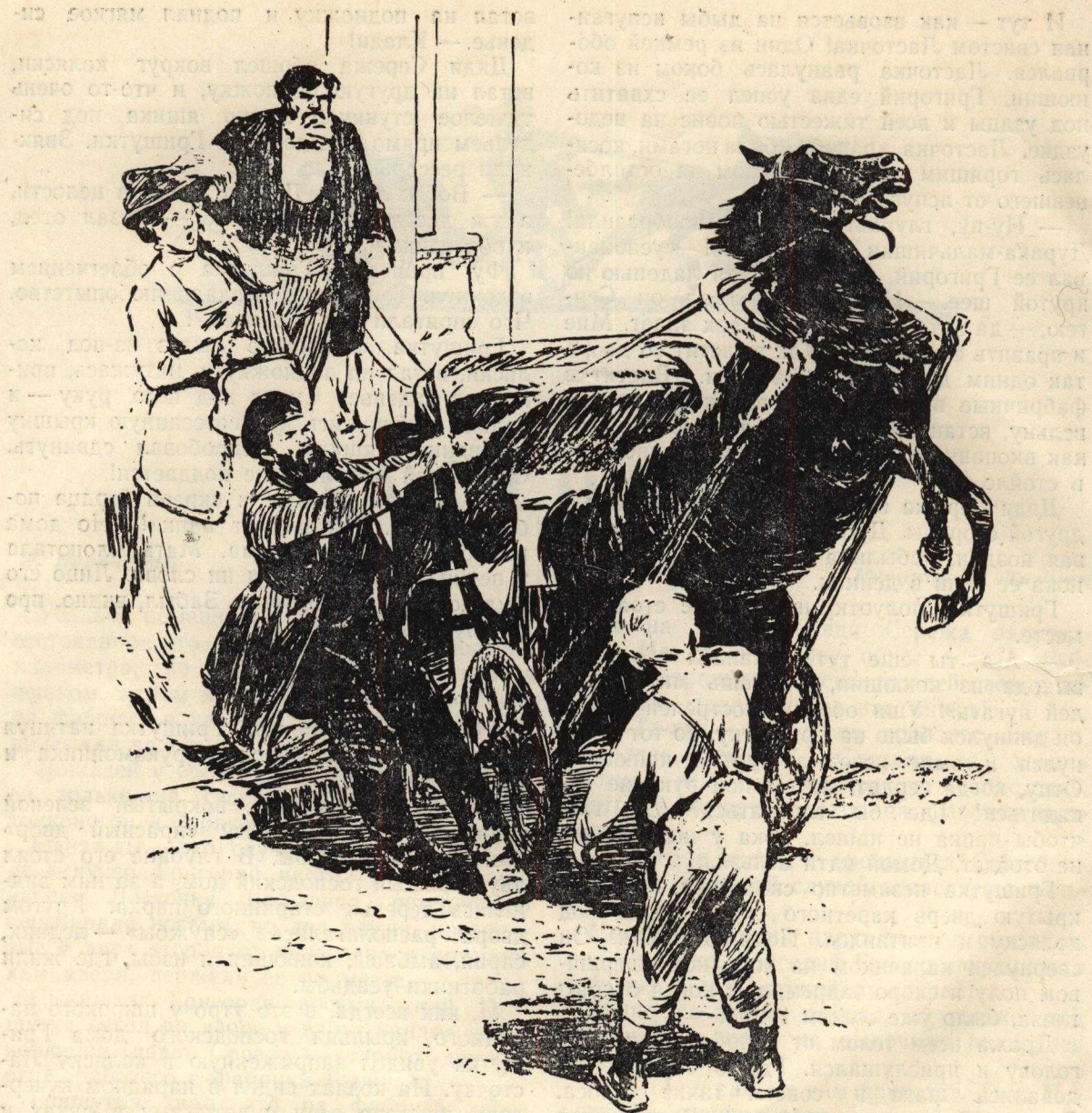
Утром, проснувшись, Гришутка натянул штанишки, поплескался у раковины и выбежал во двор.

Это был обширный, покрытый зеленой травкой так называемый «красный двор» помещичьей усадьбы. В глубине его стоял двухэтажный господский дом, а за ним виднелись деревья старинного парка. Кругом двора располагались «службы» — ледник, сарай, амбары, конюшня и избы, где жили работники усадьбы.

И, как всегда, в это утро у широкого парадного крыльца господского дома Гришутка увидел напряженную в коляску Ласточку. На козлах сидел в нарядном кучерском кафтане отец с вожжами в руках и ожидал хозяина. Мальчик знал: вот сейчас выйдет хозяин на крыльцо, за ним, позевывая, выйдет хозяйка в широченном пестром капоте, хозяин вскочит в коляску и сердито скажет:

— А ну, пошел!

Ласточка рванет с места и, широко выбрасывая тонкие, стройные ноги, крупной рысью понесет коляску в настежь раскрытые ворота в конце двора. А хозяйка будет стоять на крыльце и махать вслед кружевным платочком. Сколько себя помнит, каждое утро наблюдал Гришутка эту картину.

Но сегодня всё вышло по-иному. Правда, хозяин с хозяйкой появились на крыльце, но хозяйка была одета — видно, в дальнюю дорогу — и несла в руке саквояжик. Лицо ее было хмуро и заплакано. Вслед за ними вышел на крыльцо лакей с двумя чемоданами в руках.

Гришутка увидел, что отец с беспокойством оглянулся на крыльцо. А хозяин сошел с лестницы и приблизился к кучеру.

— Сегодня на фабрику не еду, — резко сказал он. — Пусть прекратят забастовку. А не прекратят, — я им покажу, как бунто-

вать!.. Отвезешь, Григорий, сейчас барыню в город к ее мамаше...

Гришутка смотрел на отца. Лицо папки было спокойно, но чуть побледнело.

— А Ласточка? А коляска? — спросил кучер.

— Останешься пока в городе, будешь ждать. Как расправлюсь с бунтовщиками, дам тебе знать, привезешь барыню обратно. — И, обернувшись к лакею, Рыжов приказал: — А ты, Василий, поставь пока чемоданы, беги наверх, другие вещи принеси. Положишь их в ящик под сиденьем.

Он не спеша вернулся на крыльцо и заговорил с хозяйкой.

Гришутка снова взглянул на отца, и вдруг ему стало страшно, он сам не понимал, почему. Папка смотрел на него в упор и как-то странно, одним глазом, подмигивал ему, сложив губы дудочкой.

— Чего ты?.. — оторопело пробормотал Гришутка.

Намотав вожжи на левую руку и сдерживая ими Ласточку, Григорий соскочил на землю и стал возиться у сиденья коляски.

— Ишь ты, не приподнять никак, — с досадой сказал он хозяину, — забухло сиденье-то, видно!

Он повернул к сынишке бледное, как полотно, лицо, снова подмигнул и вытянул губы дудочкой.

И тут Гришутка вспомнил!.. Вспомнил всё, что было вчера! «Попадешься, насидишься в тюрьме»... — словно услышал он голос дяди Сережи. Ой!.. Ящик под сиденьем!.. А с лестницы уже спускался с вещами Василий.

Какой-то буйный восторг овладел вдруг Гришуткой, — он понял отца! И, сунув два пальца в рот, свистнул так пронзительно, как ему еще ни разу не удавалось свистнуть.

Ласточка рванулась с места.

— Стой!.. Стой!.. — закричал Григорий, падая. Вожжи тащили, волокли его по дороге, но шага через три он выпустил их из рук, а сам остался лежать у ног остолбеневшего Гришутки.

Ласточка карьером вынесла в раскрытые ворота.

На крыльце истошно вопила хозяйка, что-то кричал лакей Василий, Григорий с трудом поднимался с земли.

— Чего стоишь?! Бери Копчика, скачи, догоняй! — кричал ему хозяин.

Гришутка растерянно оглянулся, — лакей Василий приближался к нему. Гришутка, как зачарованный, стоял на месте и смотрел на отца. Тот, сильно хромя, бежал к конюшне, и снова глаза отца и сына встретились. И на этот раз оба, не произнеся ни звука, поняли друг друга.

— Не выдавай! — требовали глаза отца.

— Не выдам! — ответили глаза сына.

Ласточка, обезумев от ужаса, раздувая ноздри, прижав уши, мчалась по дороге. Не слыша за собой погони и нового свиста, она понемногу успокоилась и постепенно перешла с карьера на свою обычную размашистую рысь.

Еще издали увидел ее с вышки над забором фабричный сторож. Он сбежал вниз и широко распахнул ворота. И когда Ласточка влетела во двор, он сразу же захлопнул их и запер на все засовы. Лошадь привычно остановилась у подъезда конторы. Изумленные рабочие обступили коляску. Что это значит? Почему Ласточка одна?!

Но разгадывать было некогда. Подошел Сергей, поднял сиденье, достал небольшой, очень тяжелый ящик и вскрыл его.

В ящике были патроны.

— Подходи по очереди, — скомандовал он, — раздавать буду.

В эту минуту сторож крикнул с вышки:

— Григорий скачет вдогонку!

Ворота гостеприимно распахнулись и снова наглухо закрылись. Григорий соскочил с Копчика, привязал его к коляске сзади и взобрался на козлы.

— Что же ответите хозяину, братцы? — спросил он, заворачивая Ласточку к воротам. — Требуется прекратить забастовку.

— А то и скажи ему, — наперебой заговорили рабочие, — будем бастовать, пока мест арестованных не выпустят... пока уволенных обратно не примет... Управляющего пусть к чорту гонит... Штрафы пусть отменит!..

— Ясно, — сказал Григорий, — стало быть, вечером ждите казаков в гости.

— А милости просим!.. Салютом встретим!..

Распахнулись ворота, Ласточка стрелой вылетела на дорогу, и снова загремели на воротах изнутри тяжелые засовы.

Тем временем Гришутка стоял перед хозяином. Рыжов сидел на крыльце, держа Гришутку за плечи, и крепко сжимал своими коленями его тоненькие коленки.

— Зачем свистнул, говори! Или, может быть, научил кто, а? Говори, иначе не одоброваты! — строго допрашивал хозяин. Гришутка смотрел прямо в его холодные глаза. У, какой злой, страшный!.. Но всё равно, — папку выдать нельзя!

— Ребята... деревенские... свистеть научили, — робко пролепетал он.

— Да я не про то, дурак! Около Ласточки зачем свистнул? Подучил кто?

— Никто не подучил... я сам...

— А зачем?! Говори, — зачем?

И вдруг, неожиданно для самого себя, Гришутка догадался, как сказать.

— А ни за чем... У меня всё не выходило... ребята учили, учили... я пробовал, пробовал, всё не выходит... а тут вдруг и вышло... я же не нарочно...

— Врешь, не проведешь! — заорал Рыжов. — Рабочие подучили, чтоб сегодня на фабрику не приехал! Называй, кто именно!

Но Гришутка твердо стоял на своем: не выходило, а тут вдруг вышло!.. Он весь дрожал, голова его кружилась всё сильнее, он говорил, заикаясь, но сердце его ликовало: не догадывается хозяин! Не посадят папку в тюрьму!

— А ну-ко, пойдем! Заговоришь ты у меня! — И хозяин поволок Гришутку в дом. Ухмыляющийся лакей Василий шел за ними.

В гостиной полулежала в кресле хозяйка и стонала. Горничная Глаша чем-то пахучим растирала ей виски. Рыжов протащил мимо них упирающегося Гришутку и втолкнул в свой кабинет.

— А ну, Василий, развяжи ему язык! — приказал он и вышел в гостиную.

— Скажешь, парнишка, — зашептал вкрадчиво и ласково на ухо Гришутке Василий, — пальцем тебя не трону и пряников дам. Вкусные у меня пряники! Ты мне только скажи, — кто научил? Имя назови! Ну? Имя!

— Никто не подучил... Не выходило... а вдруг вышло, — упрямо твердил Гришутка.

— Ладно же! Небось, сейчас заговоришь!

И не успел Гришутка опомниться, как его голова оказалась крепко зажатой между коленями Василия. В ушах зашумело, стало страшно, — ведь дома его никогда не пороли. После первого же хлесткого удара Гришутка громко заревел, не столько от боли, сколько от обиды.

— Ну, — жестко сказал Василий, еще туже сжав коленями голову Гришутки, — говори, — кто подучил? Имя?

— Не... вы...ходило... а тут... вышло... — захлебываясь плачем, бормотал Гришутка.

— Ну, брат, не взыщи, придется еще надавать, — сказал Василий.

У Гришутки потемнело в глазах, но тут чьи-то сильные руки вырвали его у Василия.

— Не смей! У, изверг! Господский прихвостень! — услышал он над собой горячий шопот горничной Глаши. — Не видишь, ребенок чуть не без памяти! — она подхватила Гришутку на руки и быстро двинулась к другой двери из кабинета. — Пойдем, я тебя черным ходом к мамке снесу... У, ироды проклятые, погодите же!..

Это было последнее, что услышал Гришутка. Он потерял сознание.

Ехать в город на «сумасшедшей» Ласточке хозяйка отказалась. Ее отправили на другой лошади.

А Ласточка вечером везла хозяина на фабрику. Рыжов ехал не один. В коляске рядом с ним сидел казачий офицер. Его сотня скакала сзади на почтительном расстоянии.

Офицер говорил без умолку. Григорий не пропустил мимо ушей ни одного его слова.

А тот хвастался:

— Я, ваше степенство, с этими бунтовщиками в два счета справлюсь, не впервой. Мои казаки — орлы! В нынешнем году, извольте знать, по всей губернии мужики бунтуют. Сколько усадеб пожгли! А не далёк как вчера в соседней волости у фабриканта Птицына бой был!

— Что-о? — испуганно переспросил Рыжов.

— Форменный бой! — расхохотался офицер. — Забастовали рабочие. Хозяин меня с сотней вызвал, усмирите! А те не сдаются! Забаррикадировались на фабрике! Пришлось штурмом ее брать! Да-с, штурмом! И что бы вы думали? Ружьишек-то у голодранцев нет, защищаться нечем. Так они, прежде чем сдаться, вдребезги фабрику разнесли!.. Ну, уж и было им! Ни один не ушел! И вашим то же будет!

— Гм... знаете ли, это... не очень меня устраивает... — пробормотал Рыжов и угрюмо замолчал.

— Неужто бунтовщикам уступите? — любопытствовал офицер.

Рыжов не ответил. Он мучительно прикидывал в уме: как быть?.. Конечно, бунтовщиков постреляют, засадят в тюрьмы, выпорют. Ведь восстания в конце концов везде подавляются... Но усадьбы-то уж сгорели!.. Птицыну-то придется фабрику заново оборудовать...

Офицер всё продолжал хвастаться и убеждать Рыжова не уступать забастовщикам.

Подкатили к фабрике. Ее дубовые ворота оказались на запоре. На вышке похаживал дежурный патруль — двое старых рабочих. Офицер, придерживая саблю, выскочил из коляски. За ним вышел и Рыжов. Григорий отъехал чуть в сторону.

Офицер приказал сдаваться. За воротами раздался сдержанный гул и стих. Старики спокойно глядели с вышки.

— Хотите быть взятыми штурмом? — зло и весело крикнул офицер.

— Берите штурмом! — загудела толпа за воротами. — Терять нам нечего!.. Мы будем отстреливаться!..

Сзади с цокотом подоспела казачья сотня. Рыжов схватил офицера за локоть.

— Господин офицер, — спеша зашептал он ему на ухо, — донесли мне верные люди: есть у них оружие, а патронов нет! Вы действуйте быстрее, чтоб не успели попортить станки! — И уже полным голосом Рыжов злорадно крикнул толпе: — Стреляйте, голубчики, стреляйте!

В ответ из-за ворот грянул ружейный залп.

Ласточка взвилась на дыбы, Григорий едва удержал ее. Рыжов так и застыл с разинутым ртом. Казаки шарахнулись.

— Дурачье! Они бьют в воздух. Приготовсь ломать ворота! — скомандовал офицер. Казаки соскочили с коней.

— Стой! Погодите! Погодите! — в ужасе заорал Рыжов. Он кинулся к воротам и как бы прикрыл их широко распахнутыми руками. Он ясно представил себе метнувшихся к станкам, беспощадных в своем гневе людей. — У них есть патроны!.. Пока одни будут отстреливаться, другие успеют всё разнести!.. Погодите! — иступленно кричал Рыжов. — Не смей! Не дам своего портить!..

Казаки были отосланы. Они ускакали вместе со своим разозлённым офицером. Рыжов согласился на уступки. Рабочие победили.

* * *

Когда Григорий вбежал в свою комнатушку, его встретила заплаканная жена.

— Тише!.. Без памяти он... Горит весь...

Гришутка метался на койке и еле внятно бормотал:

— Не выходило... а тут вышло...

Григорий осторожно взял его на руки.

— Сынушка!.. Сыночек!.. — шептал он, прижимая мальчика к груди. Гришутка понемногу утих.

Утром он пришел в себя и открыл глаза. Мать сидела рядом и шила. Отца в комнате не было. Гришутка долго не мог сообразить, что с ним. Сознание возвращалось медленно.

И постепенно Гришутка вспомнил всё.

— Мама! — позвал он тихо.

Мать вскрикнула от неожиданности да так и бросилась к нему.

— Очнулся! Дитяtko! — всхлипывала она, обнимая сынишку.

— Мама!.. Где папка? Не в тюрьме?

— Господь с тобой, что ты! — испуганно протрещала мать.

— А где же он?

— Да повез хозяина на фабрику.

Гришутка с облегчением вздохнул и сладко потянулся.

— Спать хочу, — пробормотал он в полузабытьи.

— Ну и спи! Спи, поправляйся, родненький!

Мать бережно укутала его одеялом, и он заснул спокойным, здоровым сном.

На этом рисунке художник изобразил животных. Найдите их и назовите.

ОГНИ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

К рисунку на обложке

Много лет назад я впервые отправлялся на Крайний Север. Я мысленно видел бедную, однообразную, безлюдную тундру, редкие карликовые березки и елочки на берегах холодных озер, громадные россыпи валунов. В памяти оживали страницы Джека Лондона: мертвое снежное безмолвие и в жутком безмолвии этом изможденный голодом человек встречается с голодным, но всё еще сильным волком...

Даже сейчас, после многих путешествий по Кольскому Заполярью, я при мысли о нем всё еще вижу и край непуганных птиц, и мшистую тундру, и бесконечные снега. Но как всё это преобразилось в последнюю четверть века!

Богатой и прекрасной стала земля поморов и оленеводов. Крепко поработал на ней советский человек, и на каждом шагу видны теперь плоды его великих трудов.

Нынешней зимой довелось мне побывать на заполярном озере Имандре, одном из величайших в Европе.

На многие сотни километров вокруг лежали снега и снега, изредка перемежавшиеся реденьким мелколесьем. Казалось, вот-вот из потрескивающей от стужи низкорослой роицы выскочит стая отошавших волков...

Наша машина бежала по прекрасному, расчищенному грейдером шоссе, и из-за леса выскочили не волки, а вереница вагонов электрической железной дороги.

Но еще более неожиданное оказалось впереди, когда автомобиль круто свернул с шоссе на дамбу, уходившую двухкилометровой стрелой в лед Имандры. На конце этой стрелы грохотала стальная громадина — четырнадцатикубовый шагающий экскаватор. Шагающий экскаватор в Заполярье!

И самое интересное, — это оказался знаменитый «ЭШ-14 № 1», который прославился на строительстве Волго-Донского канала. Экскаватор углублял дно Имандры и русло реки Нивы, чтобы дать больше воды построенным на бурной Ниве гидростанциям.

Южнее Имандры — Кандалакшский залив Белого моря. Неподалеку от залива совсем недавно поднялось над лесотундрой высокое бетонное здание Княжегубской ГЭС.

Четыреста лет деревне Княжой, около ко-

торой построена гидростанция. Многие поколения поморов промышляли здесь рыбу и ценного морского зверя, но жили бедно, скудно. Лет тридцать — сорок назад многие жители Княжой с трудом представляли себе, что есть на свете большие города, электрический свет, школы.

Люди жаждали подлинной жизни, достойной человека, — свободной, светлой. Они дрались за нее в красногвардейских и партизанских отрядах со смертельными врагами своей Родины, с иностранными интервентами, которые пытались в годы гражданской войны захватить Кольский полуостров с его несметными богатствами.

На живописном косогоре у деревни Княжой до сих пор сохранилась братская могила княжегубских коммунаров, павших в боях с интервентами. И рыболовецкий колхоз в деревне называется «Коммунар». В нескольких метрах от могилы героев проходит нижний канал Княжегубской ГЭС.

Теперь никакая полярная ночь не страшна. Щедрым светом залиты берега Кандалакшского и Кольского заливов, всего Крайнего Севера. Электростанции Кольского полуострова вырабатывают сейчас столько электрической энергии, сколько вся Россия до революции.

Куда и зачем идет эта громадная масса электричества? Она помогает жителям Хибин добывать миллионы тонн «камня плодородия» — апатита. Она вертит станки канатно-ударного бурения на полиметаллических рудниках Печенеги, плавит никель, медь, и кобальт в Мончегорске, обогащает железную руду Оленегорска, превращая ее в концентрат для череповецких домен. Она водит тяжелые электропоезда от Кандалакши до Мурманска, освещает проспекты и дома новых городов полуострова, помогает выращивать овощи в совхозных и колхозных теплицах.

Светлые огни продвинулись далеко в Баренцево море, в сердце Арктики.

Старожилы помнят еще самые первые рыболовецкие траулеры, построенные ленинградскими верфями для Мурманска. Сейчас Мурманск обладает могучим промысловым флотом.

Прошедшей зимой мы ходили на рыбный промысел с экипажем рефрижераторного траулера «Некрасов».

Студеное, бурное Баренцево море. От берега больше трехсот миль. Глубокая полярная ночь. И в ночи этой сверкают сотни огней. Точно сказочный город возник на черной воде. То были огни промысловых кораблей, многих десятков больших судов. И это только в одном уголке простершегося почти на полтора миллиона квадратных километров моря.

Железные и полиметаллические руды, апатит и нефелин, никель, кобальт и медь, многотысячные олени и коровьи стада, овощные совхозы, питомники дымчато-голубых песцов, лесные разработки, ценнейшие рыбы — чего только нет на заполярном Кольском полуострове!

Почему же едет туда молодежь, почему отряд за отрядом новых геологов, горняков, металлургов, химиков, агрономов, рыбаков, животноводов направляются на Мурманскую землю? Потому что нам нужно много апатита для удобрения полей, много нефелина — умелые руки превратят его в алюминий. И никеля, меди, кобальта, рыбы, оленей стране нужно всё больше и больше.

Кольский полуостров еще далеко не раскрыл и не отдает человеку всех своих неслетных богатств. Думаю, что и вам, юные читатели, хватит работы, когда вы вырастаете и поедете в Заполярье, если вас не увлекут другие неизведанные края нашей богатейшей страны.

В ПОИСКАХ ЯГЕЛЯ

Олени очень чуткие животные, и нашему корреспонденту пришлось изловчиться и схитрить, чтобы сделать эту фотографию. Он подполз к стаду с подветренной стороны и притаился за деревом. И всё-таки два оленя впереди стада почуяли что-то неладное и насторожились. А когда корреспондент, щелкнув затвором фотоаппара-

та, вышел из засады — стадо мгновенно ускало. Только снежная пыль засеребрилась над тайгой.

Дикие олени непрестанно кочуют, переходя с места на место в поисках корма — ягеля. Летом, когда в тайге и тундре начинается комариная пора, животные откочевывают поближе к морю, где ветер разгоняет кома-

ров, оводов. Овод самый страшный враг животных. Он откладывает под кожу животных свои яички, потом из них выводятся личинки, — и оленю это приносит такие страдания, что подчас доводит его до бешенства.

К морскому берегу олени выходят и для того, чтобы полакомиться солью.

ВСТРЕЧА В ПЕРИ

Леонид Семин

Коля Иванов пока не видел соперников.

В полотняной лагерной палатке суетятся какие-то странные ребята. Ковыряют игрушечный аппаратик и говорят, будто прокладывают связь к соседям. Что-то у них не клеится, и они злятся.

Коля усмехнулся: — Это телефончик, что ли?..

Пионер в белой панаме сделал вид, что не заметил насмешки:

— Телефон. Будет нормально действовать.

У входа в палатку на земляном валике Коля увидел стеклянную банку. Ничего интересного! Плавали там две крохотные рыбки, травка и черный жирный червяк, а рыжеволосый, белобровый парень глядит на них почему-то с ученым видом.

— Наблюдаешь? — спросил Коля.

— Наблюдаю, — спокойно ответил рыжеволосый.

Коля пожал плечами. «Поймал пару колюшек и возится с ними».

Ничего в палаточном городке нет особенного! Лес да комары. Вот уже три дня живет здесь Коля. Лагерь, как лагерь, только в палатках. Ребята незнакомые, возятся со своими самоделками. Вчера ходили в поход, варили суп на костре, пели песни... Как везде. А в городе шумели: «Едем на интересный слет».. Правда, троем из его

палатки повезло: дали настоящие винтовки и поставили в караул у знамени. Причем, ночью...

А Коля не попал в их число. Почему? Непонятно! И никаких чудес не сделали те трое. Сосед по койке — высокий, худой и в очках — собрал радиоприемник. Десятки таких Коля видел в Доме пионеров. Другой — изготовил модель планера. Третий — резчик по дереву — привез на слет шкатулку. Подходящая. Но если ему, Коле, взяться за это дело — он не хуже справился бы. Только ни к чему шкатулка. Это не киноаппарат, который Коля знает на зубок. Вот попробуй-ка фильм покрутить!..

Коля бродил по лагерю и разуживал, что мастера в других палатках. Но попадались ему все те же телефончики, планеры, шлюпки и бумажные самолеты. От одной палатки густо пахло одеколоном. Приподнял полог, заглянул — на столе флаконы «гвоздики». Девчонки утюжат ленты. Говорят, здесь будет «Ателье бытового обслуживания». Еще павильончик и опять — душистый: похоже, валерьянкой пахнет. Здесь «ботаники» разбирают лекарственные растения. «Подумаешь, важность, а суматохи-то сколько!»

Да, Коля Иванов все больше убеждался, что его профессия самая лучшая и нужная.

— Киномеханики есть? — спрашивал он то тут, то там.

Киномеханики пока не встречались.

Вечером погода насупилась, зарядил дождь. Пришлось отсиживаться в палатке.

— А ну, умельцы, потише! — сказал Коля. — Давайте рассказывать о своих профессиях. Хотите, про кино расскажу?.. — И то, что в палатке сразу стихло, Коле очень понравилось. Как никак, он уже второй год в кружке киномехаников. Не раз он, как настоящий спец, вставал к кинопроектору и демонстрировал на уроках учебные фильмы. «Плохая проекция», «устал фотоэлемент» — с особым удовольствием шеголял он загадочными для других ребят терминами...

Теперь, прислушиваясь к дробному стуку дождя, Коля думал: «Не назначили к знамени — ладно!.. Про что б им такое рассказать? Чтоб ахнули!.. А! Огорошюка я их фотоэлементом! Одно слово чего стоит!»

Слышал он когда-то на рыбалке от старого киномеханика Ивана Порфирьевича про один чудной случай. Сказка ли, правда ли — кто скажет, но слышал. Тогда еще только-только появилось звуковое кино. Аппараты были иностранных марок, неуклюжие, капризные. И вот в кожных фотоэлементах будто бы залетела муха,

и в кинотеатре чуть не сорвался киносеанс. Из-за какой-то мухи.

Голос у Коли сразу приобрел металлический оттенок:

— Да, ребята, был у меня, знаете ли, такой случай в практике, когда я работал на казее... Есть, понимаете ли, в кинопроекторе живая лампочка. Фотоэлемент! Она может уставать, может отдыхать...

— Лампочка? — удивился кто-то.

— Да. Только не обычная...

В углу палатки, на крайней койке, привстал узколицый, длинноносый Володя Усачев и деловито спросил:

— Принцип ее работы знаешь?

Коля деланно усмехнулся: — Чего ж тут не знать: световую энергию она превращает в звуковую.

Рыжеволосый «зоолог» поднял руку:

— Подождите, ребята. Пусть расскажет про случай, а вопросы потом.

Коля одобрительно посмотрел на «зоолога».

— Так вот, на нашей работе всякое бывает, — подчеркнул он слово «нашей». — Помню, работаю и вдруг что-то стряслось со звуком. На экране песня, а в динамике как забубнит: бум, бум!..

Ребята с напряженным вниманием смотрели на Колю. И только Усачев чему-то улыбался. Однако Коля улыбки пока не замечал.

— Ну, ясно, сбежались киномеханики. Никто не может понять, в чем дело. Даже технорук! Говорит: «необъяснимое явление!»

А оно то перестанет, то опять начнет... «Бум, бум...» Как вы думаете, что это могло быть?..

Ребята переглянулись.

— Это была муха... — негромко сказал Усачев.

Эх, если б никто не видел, как покраснел, как заморгал растерянно Коля!

— Да... верно... это была... муха... — пробормотал он.

Усачев загадочно улыбался:

— Ты давно на аппаратуре работаешь?

— Года два...

— А с Иваном Порфирьевичем на рыбалке бывал?..

Коля вздрогнул, как ужаленный.

Усачев засмеялся добродушно:

— Порфирьич и мне про эту сказочную муху рассказывал...

Наступило неловкое молчание. Поджав губы, Коля зло смотрел на Усачева, мучительно обдумывая, чем бы его ушечь...

— Скажи, какая разница между киноплёнкой и кинофильмом? — неожиданно спросил он своего соперника. Вопрос этот был главным козырем, когда Коле приходилось сталкиваться с киномеханиками. Он уже не раз ставил им своих противников в тупик. А ведь киномеханики — народ такой — как сойдутся, так и давай экзаменовать друг друга.

С лица Усачева на миг сошла улыбка.

— На киноплёнке изображения нет... А на кинофильме — кадры, — спокойно ответил он.

Коля втянул голову в плечи, будто капли дождя попали ему

за воротник. Теперь жди каверзного вопроса от Усачева. И тот не замедлил:

— А как называется часть пленки между кадрами, которая видна на экране, если фильм идет не в рамку?

Коля озадаченно смотрел на товарища.

— Как? Просто полоска и все... — упавшим голосом произнес он.

— Нет, — строго сказал Усачев. — Она называется междукадровой чертой... Запомни, а то завтра будут занятия по специальности, могут спросить... На этом многие «режутся», — с усмешкой добавил он.

— Мы экзамены что ли приехали сюда сдавать? — возмутился Коля. Он сразу почувствовал себя неуверенно. Даже голос его стал прерываться.

— А ты как думал? — усмехнулся Усачев. — Мы же умельцы. Вот и увидят завтра, кто что умеет...

На другой день «киномеханики» отправились на занятия. Вспомнив о вчерашнем разговоре, Володя Усачев заметил:

— Надо же где встретились?

Коля признался:

— Я почти все палатки обошел, механиков не встречал... Ну и... — он смущенно отчеркнулся, сказал в сторону: — хотел порассказать ребятам что-нибудь интересное...

Володя дружески похлопал его по плечу: — Старик Порфирьич, конечно, тогда прихвастнул, но умело! На всю жизнь запомнилось... А ты приврал, будто сам поймал муху в кожухе...

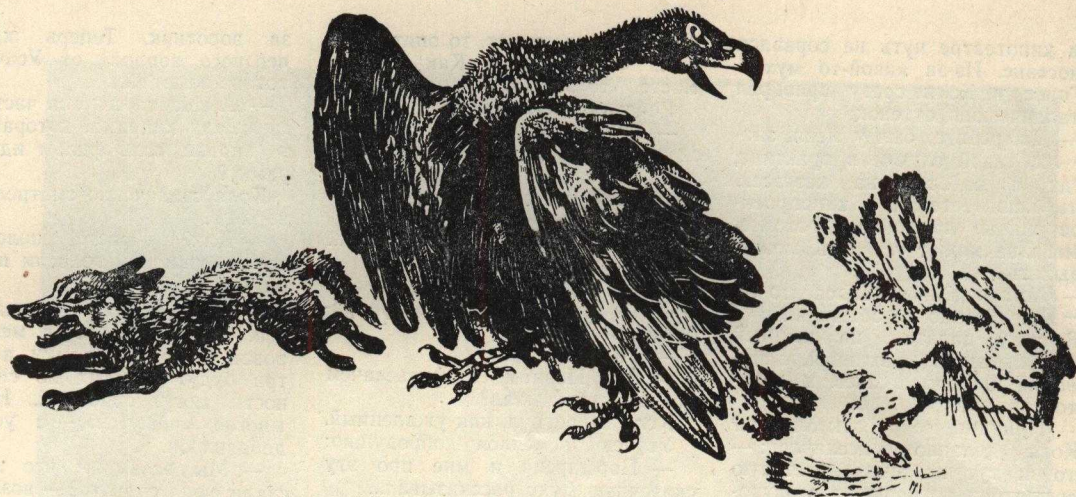
...Прошло еще два дня в лагере. Коля не вспоминал больше про фотоэлемент. Он часами вместе с Володей возился с киноаппаратурой, демонстрировал «пробные» фильмы, стараясь, чтобы и кадры шли в рамку и свет на экране был хорошим...

Каждый занимался своим любимым делом. Неподалеку от киномехаников на зеленой лужайке авиамodelисты расставили настоящие самолетчики с моторами. В день испытаний машины по свидетельству судей проявили хорошие летные качества.

Оказалось, что и рыжеволосый «зоолог», к которому Коля отнесся вначале с полным пренебрежением, привез на слет не простых «колюшек», а рыбок очень редкой породы.

Да, много славных ребят увидел Коля Иванов в палаточном городке близ Пери. Много памятных встреч было здесь. И об одном жалели умельцы, когда прощались друг с другом, — очень уж коротка была их встреча.

ХРАБРЫЙ БРАТЕЦ-КРОЛИК

(НАРОДНАЯ СКАЗКА НЕГРОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ)

После того, как Братец Кролик спасся от Медведя и Волка, все жители окрестных лесов и полей заговорили о его ловкости и уме.

— Нет, — отвечал он на похвалы, — нет, мало у меня ума! Будь я поумнее, я бы не попал им в лапы. Эх, если бы мне ума побольше, я бы за себя постоял и других в обиду не дал!

Так и ходил Братец Кролик и всё жаловался, что у него ума мало. Услышала его жалобы Сестрица Куропатка и говорит:

— Уж если тебе своего ума мало, Братец Кролик, то почему ты не пойдешь к старой крольчихе Мэмми-Бэмми? Умнее ее никого на свете нет.

— Ты права, Сестрица Куропатка. Если у кого и можно занять ума, то это у моей тетушки Мэмми-Бэмми.

* * *

В скором времени Волк с Медведем сговорились и начали гоняться за бедным маленьким кроликом. На каждом шагу его, горемычного, ждали засады и ловушки. И тут решил он, что пора ему разыскать тетушку Мэмми-Бэмми и признаться у ней ума, решил и отправился.

Дорога вилась по горам и лесам где вверх, где вниз, где впрямь, а где вкривь, где в бок, а где и совсем впоперек. Братец Кролик то идет, а то и ползет, то весело скачет, то горько плачет, то бойко бежит, а то ляжет и лежит. Наконец добрался он

до темного, топкого болота и видит: посреди болота стоит заросший лесом холм, а на вершине холма лежит большой черный камень, а из норы, из-под самого камня, столбом валит густой черный дым. Понял Братец Кролик: нашел то, что искал. Сел на пенек около входа в нору, отдышался и крикнул нараспев:

— Тетушка Мэмми-Бэмми, тетушка Мэмми-Бэмми, отзовись! Это я — твой племянник Райли!

Черный дым вдруг начал втягиваться обратно в нору, и скоро из-под камня вышла сама тетушка Мэмми-Бэмми, старая седая крольчиха с большой пенковой трубкой в зубах.

— Здравствуй, Райли, здравствуй, сынок Райли. Что привело тебя сюда?

— Ох, тетушка Мэмми-Бэмми, совсем не стало мне житья! Загоняли меня Волк да Медведь. Видно, очень я глуп, неразумен и туп, что не смог до сих пор проучить их! Что тут делать, — не знаю. Суди сама. Может, ты мне добавишь немного ума?

Тетушка Мэмми-Бэмми молча уселась на большой черный камень и, как ни в чем не бывало, продолжала курить. Дым то весь втягивался в трубку, то валом валил обратно, обволакивал старую крольчиху густыми клубами. Подумала она немного и заговорила:

— На той елке белка сидит в вышине, Райли, бедненький Райли. Поймай эту белку да принеси ее мне, Райли.

Братец Кролик почесал в затылке, поглядел из-за кустов на белку и сказал:

— Как я ни глуп, но ее-то я, наверно, сумею уговорить спуститься с дерева.

Тут взял он свою котомку, вынул из нее остатки еды, разыскал два больших круглых камня, натянул котомку себе на голову, и она закрыла его до самых ног. Взял тогда Братец Кролик камни, чуть не бегом бросился к елке и уселся под нею. Подождал он немного, а потом как ударит камнем о камень: трах!

Белочка — а это была не кто иная, как Бэнни Пушистый Хвостик — перегнулась с веточки вниз и крикнула:

— Эй, кто там шумит?

Братец Кролик подождал еще немного да как ударит камнем о камень: бах!

Белочка спустилась пониже и крикнула:

— Эй, ты что там расшумелся?

Братец Кролик помалкивает. Выждал он еще минутку да как ударит камнем о камень: тарарах!

Тут любопытство совсем одолело белку. Спустилась она еще ниже и спросила:

— Кто там?

— Это я! — чужим голосом ответил Братец Кролик.

— Кто это ты?

— Дикки-Микки, Мешок Превеликий!

— Что ты там делаешь?

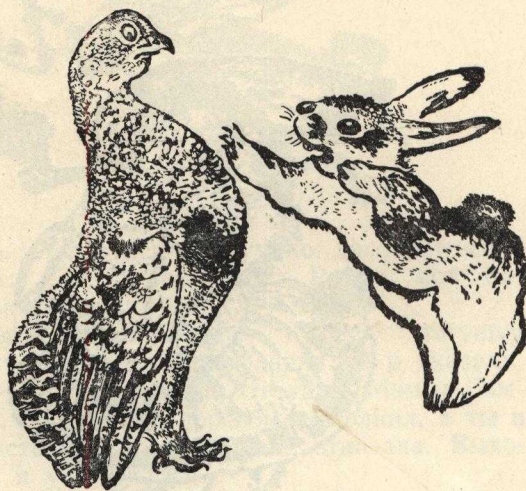
— Орешки раскалываю, ем да похваляю! — и Братец Кролик снова принялся стучать камнями: трах да бах да опять тарарах!

У Белочки Бэнни слюнки потекли.

— А мне нельзя расколоть немного орехов? — спросила она.

— Почему нельзя? Конечно, можно. Спустишься вниз, сестрица Белочка, забирайся ко мне в мешок и ешь, сколько тебе угодно!

Бэнни Пушистый Хвостик долго не решалась слезть с дерева и забраться в мешок. Но братец Кролик так усердно стучал кам-

нями и бормотал: «Ах, какие вкусные орешки», — что в конце концов Белочка не выдержала: спустилась с елки и забралась в мешок. А братец Кролик выскочил из мешка, затянул его и отнес к старой тетушке Мэмми-Бэмми.

Старая Крольчиха похвалила своего племянника Райли за сообразительность, отпустила перепуганную белочку и сказала:

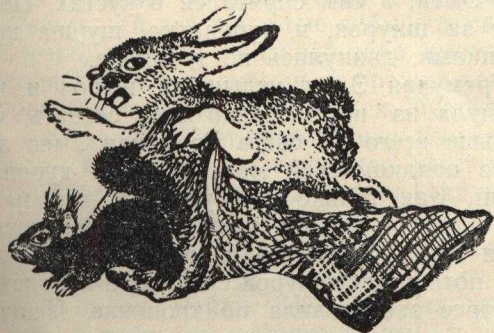
— Разыщи-ка ты Грифа, сынок Райли — мне нужны перья из его хвоста, мой Райли, бедненький Райли!

Почесал Братец Кролик у себя в затылке и направился разыскивать мистера Грифа, — хоть и не бегом, но всё же быстрым шагом.

Однако, прежде Братец Кролик разыскал своего закадычного друга, Лисенка Смайли. Рассказал, как собирается добыть перья из хвоста мистера Грифа, и попросил Смайли помочь ему. Лисенок засмеялся и сказал, что согласен. Сказано — сделано. Улегся Лисенок Смайли в поле около зарослей шиповника, протянул все четыре лапы и лежит — не шелохнется, словно он не живой лисенок, а мертвый. Потом появился Братец Кролик, — будто случайно шел мимо и ничего не знал. Увидел растянувшегося у кустов Лисенка, подошел поближе, поглядел, да и начал бесноваться. Шапочку свою швырнул на землю, ногами ее топчет, а сам кричит:

— Эй, люди добрые, люди! Братец Лис умер! Помогите! Братец Лис умер!

Собрались около Лиса лесные жители. Кто-то сказал, что надо покойника отнести домой, но Братец Кролик и слушать не стал:

— Не трогайте его, — заявил он, — пока мистер Гриф не прилетит. Вы же знаете, что только мистер Гриф имеет дело с покойниками. Пусть он и распорядится.

Наконец прилетел мистер Гриф. Посмотрел он на Братца Лису и говорит:

— Ну, что ж, неплохой покойничек, надо приготовить его на об... тьфу ты! — к похоронам. Не беспокойтесь, господа, сейчас я его заберу и отнесу, куда следует.

Подошел он к Братцу Лису и, пока примеривался, как получше ухватиться за него, Братец Кролик подкрался к мистеру Грифу сзади, выдернул у него из хвоста целый пук перьев — и в кусты. Мистер Гриф за ним. Но разве доберешься до кролика, если он успел спрятаться в колючих зарослях? А пока мистер Гриф прыгал в ярости около кустов, Лисенок Смайли вскочил на все четыре лапы и задал тягу. Гриф вернулся — глядь, а покойника-то нет!

Принес Братец Кролик перья старой тетушке Мэмми-Бэмми.

— Уж теперь-то ты прибавишь мне ума, тетушка Мэмми-Бэмми? — спросил он. — Я ведь так старался!

— У тебя ума и без того не мало, Райли, сынок Райли. Но если ты хочешь иметь больше, то выполни сперва еще одну мою просьбу, Райли, сынок Райли. У самого края топких болот змея гремучая где-то живет. Мне нужны ее ядовитые зубы, сынок Райли. Пойди и принеси их мне, Райли, бедненький Райли!

Братец Кролик даже оробел, услышав эту просьбу. Ведь из всех лесных жителей

страшнее всех змей, особенно гремучие змеи. Да разве можно отказать старой мудрой крольчихе? Но на этот раз он шел медленно, ох как медленно!

Он думал, думал, думал и вдруг как хлопнет себя рукой по коленке да как рассмеется. Потом встал и пошел разыскивать камедное дерево. Если в солнечный день сделать на его коре надрез, то потечет густая, липкая смола. Она быстро застывает и становится вязкой и липкой, ну, прямо как полужастывший клей.

Братец Кролик добыл смолы, вылепил из нее шар величиной с кулак, отправился к матушке Куропатке и попросил одолжить ему старых перьев, которыми она устилает гнездо. Матушка Куропатка охотно дала ему перьев, и Братец Кролик облепил ими шар так искусно, что получилась настоящая маленькая куропатка: с крылышками и хвостиком, — всё как следует. Привязал к куропаточке длинный шнурок, положил ее на тропинку, около норы Гремучей Змеи, а сам спрятался в кустах. Потянул за шнурок, и куропатка, шурша крылышками, двинулась по тропинке.

Гремучая Змея услышала шорох и выглянула из норы. Надо вам сказать, что больше всего на свете Гремучая Змея любила полакомиться молоденькими куропатками. Как только она увидела, что мимо ее норы бежит по тропинке куропаточка, змея сразу бросилась следом. Братец Кролик потянул за шнурок сильнее, и куропатка быстрее заскользила по тропинке. Испугалась Гремучая Змея, что упустит добычу,

разинула пасть во всю ширь, да как бросится на куропатку, да как вонзит все свои ядовитые зубы в липкую смолу! Так они там и застряли! А Братец Кролик дернул шнурок посильнее, оборвал его, а сам притаился в кустах и ждет. Сперва Гремучая Змея пыталась открыть пасть еще шире и вытащить зубы из смолы, но не тут-то было! Тогда начала трясти головой: извивается всем телом, подпрыгивает, бьет хвостом о кусты, гремит своими погремушками! Такой шум подняла — кто угодно испугается. Но Братец Кролик спокойненько сидел себе в кустах и ждал. Когда Гремучая Змея выбилась из сил, он незаметно вышел из кустов и пошел по тропинке, как будто он ничего знать не знает и ведать не ведает.

Подошел он поближе и говорит:

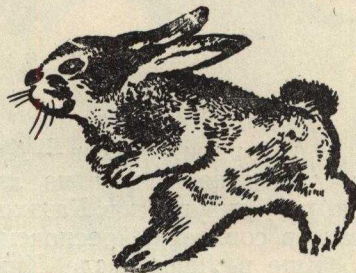
— Миссис Гремучая Змея, что с вами?

Гремучая Змея и говорить по-настоящему не может. Еле-еле процедила, что, дескать, завязила зубы в липкой смоле и теперь никак ей самой не освободиться. Не поможет ли ей, дескать, Братец Кролик?

Посмотрел Братец Кролик на ее пасть и говорит:

— Не знаю, что тут можно сделать — разве что обломать ваши большие зубы, миссис Гремучая Змея?

Гремучая Змея уже задыхаться начала, да и челюсти ее так свело, что она чуть не плачет от боли.

надо. Пользуйся им умело да живи себе смело. Так-то вот, сынок Райли, мой маленький Райли!..

Выслушал Братец Кролик тетюшку Мэмми-Бэмми, поблагодарил ее и сказал:

— Как же это так, тетюшка Мэмми-Бэмми? Я все твои просьбы выполнил, а ты в единственной просьбе мне отказала. Выходит, я умнее тебя?

— Что ж, — говорит она, — ломай, Братец Кролик, ломай поскорей!

Братец Кролик вытащил свой складной нож, обломал ей все ядовитые зубы под самый корень, схватил смоляной шар вместе с застрявшими в нем зубами и, прежде чем Гремучая Змея успела опомниться, пустил-ся во все тяжкие к тетюшке Мэмми-Бэмми.

Старая крольчиха выслушала рассказ Братца Кролика, похвалила его за удалство и смекалку. Когда же он снова попросил ее прибавить ему ума, она покачала головой и сказала:

— Нет, сынок Райли. Нет, у меня для тебя ума. У тебя и своего ума больше, чем

Он тут же задрал нос кверху да начал расхаживать перед старой крольчихой и хвалиться своим умом и ловкостью.

Тетюшка Мэмми-Бэмми терпела-терпела, слушала-слушала, а потом схватила Братца Кролика за загривок да как начала трясти!

— Не хвались своим умом, коль не хочешь слыть глупцом! Кто болтает без умолку да скачет без оглядки, у того в голове не всё в порядке!

И трясла она его до тех пор, пока у него глаза на лоб не полезли, да так и остались.

И с тех пор у него глаза большие-пребольшие, как у всех теперешних кроликов.

Перевел и обработал Л. Хвостенко

НА ЦЕЛИНЕ

Автор этих стихов — Алексей Крючков — до прошлого года работал слесарем на одном из ленинградских заводов. Потом, по призыву партии, он уехал в Казахстан на целинные земли. Там он стал работать в совхозе „Пресновский“ Павлодарской области.

Еще в Ленинграде Крючков начал писать стихи о своих товарищах, о почетном труде рабочего. В стихах, которые А. Крючков прислал в „Костер“, рассказывается о жизни на целинных землях.

САД

Как говорится, дел невпроворот:
В рекордный срок вспахать, посеять надо.
Конечно, с этим справимся.
А вот
Как быть с посадкой молодого сада?
— Нет, не успеть! — сомнения все росли.
Как вдруг на помощь взрослым новоселам,
Вооружась лопатами, пришли
Четыре класса из начальной школы.
С солидностью забавной малыши,
Для виду с ходу поплевав на руки,

Сопели и копали от души
Диаметра положенного лунки.
И яблоньки, что встали в строгий ряд,
Как все живое, к солнцу устремились...

Хочу я, чтобы этот юный сад
И зной и стужу мужественно вынес,
Чтоб, став частицею людских забот,
И сам он был выносливый, упорный,
И, как сюда приехавший народ,
Чтоб в целину пустил надежно корни.

ПЕЙЗАЖ

Кого пейзажем здешним удивишь!
Лесов, садов и парков нет в помине.
Вдоль Иртыша на сотни верст — камыш
Да кое-где невзрачный куст полыни.

И он, однако, попадет под плуг,
Полезным злакам место уступая...
Моторов рокот расплескав вокруг,
По целине проходит посевная.

Хлеба заколосятся —

и тогда

Мы, новоселы, убежденно скажем:
Как этим —

казахстанским —

никогда

Не восхищались никаким пейзажем!

МОРСКОЙ КАМЕШЕК

Е. Серова

День за днем волна морская
Этот камешек ласкает.
Набежит и отбежит...
Смирно камешек лежит.
Помнит камень, что когда-то
Был он грубый,
угловатый,
Норовил кого-нибудь
В пятку голую кольнуть.

Но под ласковой волной
Нрав у камня стал иной.
Камень сделался послушным,
Гладким,
круглым,
добродушным.
Гладишь камешек рукой —
Нежный, шелковый такой,
Пахнет морем,
пахнет сказкой...
Вот что можно сделать лаской!

„И к нам в колхозный сад
Пожаловал Товарищ Урожай!“

На вклейке рисунок А. Пахомова

ПАЛИТРА ЦВЕТКА

Вера Корсунская

Рисунок на вклейке В. Юсипенко

Наступил август. В траве то там, то здесь выглядывает шляпка гриба: красная, оранжевая, желтая...

Скорее в лес, на луг, там еще много цветущих растений. Давайте соберем букет.

На лесных полянах розовым кружевом раскинулся иван-чай. Его легко узнать по крупным красным кистям.

Около канавы голубеют нежные цветки незабудок. Но для букета они не годятся — завянут.

Под кустами краснеют цветки правильной формы какого-то растения. Сорвешь один — потянется длинный тонкий стебель; он переплелся с кустом своими растопыренными ветками. Его длинные плоды напоминают клюв журавля, конечно, в очень уменьшенном виде. Это журавельник, болотная герань. Ее много на лугу, где розовеют маргаритки, где через красные головки клевера перекинулся вьюнок.

На полях и холмах зацвела гвоздика. Она украсит наш букет. Теперь добавим еще несколько колокольчиков и постараемся найти какие-нибудь белые цветки!

В августе растения цветут чаще всего красными и розовыми цветками. А ранней весной встречались растения с желтыми, фиолетовыми, синими, лиловыми цветками.

С весны до осени происходит смена окраски растений. Почему же одни цветки красные, другие голубые?

Несколько простых опытов помогут понять это.

Запасемся соляной или уксусной кислотой, нашатырным спиртом и... несколькими цветками из букета. Понадобится банка, блюдце, стаканчик и пробирки.

Незабудки и колокольчики положите на блюдце рядом с пробиркой, в которую налит нашатырный спирт. Всё это накройте банкой. Смотрите, небесно-голубые незабудки зеленеют! То же происходит с темно-голубыми колокольчиками.

Теперь рядом с букетом незабудок поместим другой стаканчик, с соляной кислотой, и снова накроем банкой. Незабудки станут голубовато-розовыми... потом розовыми... красными.

Вспомните как готовят красный борщ. Нарезанную или натертую

свеклу опускают в кипящий бульон, и он окрашивается в краснорубый цвет. Если добавить уксуса, то борщ сразу покраснеет.

Опустите в кипящую воду листья красной капусты и они примут лиловато-красный цвет. Стоит прилить несколько капель уксусной кислоты, как вода станет яркокрасной.

Почему? Потому что высокой температурой убиты клетки, и из клеточного сока выступила цветочная синь — антоциан. В кислой среде антоциан краснеет, в щелочной — синеет.

Отчего же у иван-чая красные цветки, а у колокольчика синие? Оттого, что в клеточном соке красных цветков содержится много кислот, в розовых — меньше. Синие колокольчики богаты щелочами, голубые незабудки ими несколько беднее.

Но отчего зазеленели незабудки, когда рядом поставили стаканчик с нашатырным спиртом? Ведь в цветках незабудки есть щелочь, и от нашатырного спирта — щелочи — антоциан должен еще больше посинеть?

Он и синеет в действительности, только синий цвет сливается с другим — желтым, и получается зеленый. Опять вопрос: откуда взялся желтый цвет?

Дело в том, что в цветках содержатся вещества, которые окрашиваются от щелочи в желтый цвет. Это — флавоны.

Синий цвет с желтым, смешиваясь, дает зеленый. Вот почему незабудки в нашем опыте стали зеленеют.

Окраска растений изменяется с возрастом. Весной по опушкам лиственного леса расцветает медуница. Ее пестрые соцветия видны издали. Бутоны и только что раскрывшиеся цветки медуницы — пурпуровые, другие — постарше — фиолетовые и голубые и к концу цветения — синие.

Такие причудливые изменения цвета претерпевает каждый цветок, и зависят они оттого много или мало кислоты в клеточном соке. Вначале цветок очень богат кислотами, потом постепенно он теряет их, и лепестки синеют.

Зеленые части цветка, как известно, окрашены хлорофиллом.

Можно сказать, что на палитре цветка основных красок мало. Это цветочная синь, флавоны, хлоро-

филл. Чем холодней почва и воздух, чем больше получают растения сахара, тем больше цветочной сини — антоциана — образуется в клеточном соке.

Чтобы вырастить незабудки с красными цветками, в теплице поддерживают температуру 5—7°С. При желании зимой получают белую или лиловую сирень. В первом случае срезанные ветви сирени выдерживают в световой камере при температуре 30°С, во втором — более низкой.

В наших же широтах множество растений цветет белыми цветками. В чем секрет их окраски?

Белые лепестки розы или какого-либо другого цветка в воде теряют белый цвет и становятся прозрачными.

Почему? Положите цветок на стекло или просто на стол и надавите на него хотя бы ногтем. Под давлением лепестки станут прозрачными. Теперь понятно, белого красящего вещества в белых цветках нет.

Лепестки белых цветков совершенно прозрачны. Но в тканях между клетками содержится воздух, он полностью отражает свет, и бесцветные лепестки кажутся белыми. Когда же давление воды или ногтя вытеснило воздух из тканей лепестков, то они стали стекловидными.

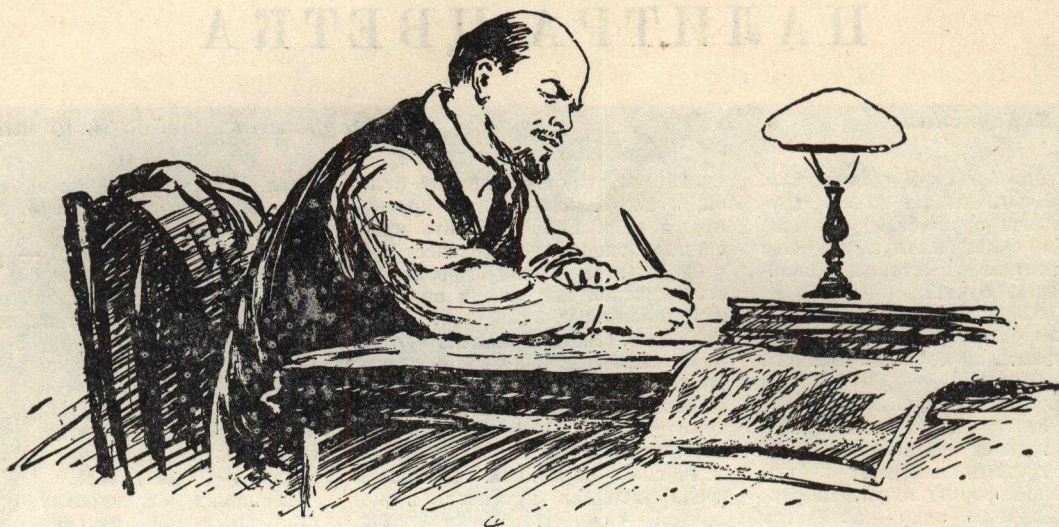
Своей окраской цветки привлекают насекомых — опылителей. Цветок — это как бы «вывеска» растения.

Разные насекомые предпочитают разные цвета. Пчелы чаще садятся на синие и фиолетовые цветки, чем на желтые, а красных даже избегают. Выросли как-то рядом цикорий и пастернак. Синие цветки первого перемешались с желтыми второго. Однако пчелы садились на синие цветки цикория, минуя пастернак, который привлекал лишь множество мух.

Конечно, для насекомых важен нектар и аромат. А цвет, форма, узор — это лишь хорошие распознавательные знаки.

За сотни тысяч лет естественным отбором «прилаживались» друг к другу цветки и их опылители.

Палитра цветка с ее химией и физикой — одно из таких приспособлений.

НА ХЕРСОНСКОЙ, 5

А. Орлянский

Рисунок В. Ветрогонского

...В Смольном непрерывно звонили телефоны, в коридорах нижнего этажа былолюдно, от махорочного дыма першило в горле; слышалось клацанье затворов.

Владимир Ильич, еще в парике и гриме, в котором он, минуя юнкерские патрули, пришел 24 октября в Смольный с конспиративной квартиры Фофановой, выслушивал донесения связных, давал распоряжения, отмечал на большом плане Петрограда расположение отрядов.

На следующий день, 25 октября 1917 года, в 14 часов 35 минут было созвано экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Бурными аплодисментами и криками ликования встретили сообщение о том, что государственный переворот произошел, временное правительство уже более не существует и сейчас идет осада Зимнего дворца.

Ночью рабочие пошли на штурм Зимнего. Сопротивление юнкеров было сломлено.

Двое суток Ленин напряженно работал и сильно устал. Ему было необходимо отдохнуть.

Но где? Ехать к сестре Анне Ильиничне на Петроградскую сторону далеко и небезопасно: в городе еще слышалась стрельба.

Старый революционер и друг Ленина, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, пригласил Ильича к себе. Ленин и раньше бывал у Бонч-Бруевичей.

Это недалеко: Херсонская улица, дом № 5. Ильич согласился.

На автомобиле они быстро доехали до дома. После ужина Владимир Ильич хотел прилечь на диване в проходной комнате — в столовой, но радушные хозяева стали уговаривать его занять спальню, служившую одновременно и кабинетом.

Ленин отказывался, боясь стеснить хозяина, но когда увидел, что в комнате есть телефон, письменный стол с бумагой и чернилами, то перестал возражать.

Владимир Ильич вошел в комнату, прикрыл за собою дверь, погасил свет, и было слышно, как он улегся на постель.

Бонч-Бруевич решил не спать. Он выписал на лист бумаги номера телефонов, которые могли понадобиться на случай тревоги, проверил исправность оружия и прилежал на диван.

Наступила глубокая тишина. Но вскоре в комнате Ленина послышались осторожные шаги, зажегся свет, Владимир Ильич заглянул в комнату, посмотрел на Бонч-Бруевича и, вероятно, подумал, что тот спит. Дверь закрылась.

Бонч-Бруевич переждал некоторое время, тихо поднялся и на цыпочках подошел к неплотно прикрытой двери. В щель было видно: Ильич сидит у стола и что-то пишет, достает из карманов какие-то записи, снова пишет.

Так проходили часы, а Ильич всё работал. Бонч-Бруевич, охраняя его, прислушивался к стрельбе на улицах, беззвучно подходил к окнам и к двери на лестницу.

Но вот забрезжил рассвет. Владимир Ильич переписал свою работу начисто, сложил все свои записи в карман пиджака и, наконец, лег отдыхать.

Рано утром на квартиру Бонч-Бруевичей пришли сестры Ленина — Анна Ильинична и Мария Ильинична. Бонч-Бруевич предупреждал всех, чтобы они не шумели, потому что Ильич всю ночь работал. Гости уселись в столовой и переговаривались шепотом.

Неожиданно дверь из спальни открылась и оттуда вышел Владимир Ильич. Ленин сердечно поздоровался со всеми и поздравил с победой революции. Он довольно потирал руки, шутил, и по его виду никто не подумал бы, что он не спал ночь.

За чаем он вынул исписанный мелким почерком листок и прочел. Это был проект декрета о земле.

После завтрака Ильич направился в Смольный. Там продолжал работать созданный накануне Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

Вечером 26 октября 1917 года по докладу Ленина съезд принял декреты о мире и о земле, — был сделан первый шаг к социализму. Самый справедливый в истории человечества закон объявил землю собственностью советского государства; она была отобрана у прежних владельцев — помещиков, буржуазии, монастырей, и право пользования землею получили те, кто ее обрабатывает, крестьяне.

На квартире Бонч-Бруевичей Ленин продолжал ночевать до тех пор, пока для него и для Надежды Константиновны не отвели комнаты в Смольном.

В 1938 году комната-спальня в бывшей квартире Бонч-Бруевичей приняла тот вид, в каком она была во время пребывания в ней Ленина. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич передал музею письменный стол, настольную лампу, телефонный аппарат, кровать, книжные шкафы и другие вещи, которыми пользовался Ильич.

В этом году восстановлена и вторая комната — столовая.

Ребята! Если вы живете в Ленинграде или вам случится побывать в этом городе проездом, обязательно посетите квартиру-музей В. И. Ленина на Херсонской, 5.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ГОРОД НАД НЕВОЙ

Разгоняет свежий ветер тучи,
Солнца луч упал на гребни волн.
Здесь шумел когда-то лес могучий,
На волнах качался утлый челн.

Но среди лесов непроходимых,
Злых туманов и глухих болот
Вырос город гордый, сердцу милый,
Светлый, словно солнечный восход!

Валентина Станиславская

*Ленинград,
240-я школа.*

ВОДОПАД

Есть в Карелии Кивач —
Водопад нагорный.
Это северный силач
Злой и непокорный.
Коль зимою корка льда
Воду закрывает, —
Через час тот лед вода
С яростью ломает.
А кругом угрюмый лес,
Словно верный сторож...
И, наверно, «Кивачгэс»
Здесь построят скоро!

Сергей Макаров

*Ленинград,
185-я школа.*

БРАТИШКИ

У меня есть два братишки,
Два братишки-шалунишки;
Вместе братьям ровно год, —
Замечательный народ!
Только лишь характер разный
У братишек у моих:
Не могу никак я сразу
Засыпать заставить их.
Только Сеня засыпает —
Саша плакать начинает,
А потом наоборот, —
Удивительный народ!

Галина Супоничкина

*Ленинград,
371-я школа.*

БАТАГА ИЗ САН ЛОРЕНЦО

Марчелло Арджилли

Рисунки Н. Петровой

ПИРОЖНОЕ СТАНОВИТСЯ ПРИЧИНОЙ ТРАГЕДИИ

Ничего нет на свете лучше дружбы, особенно если ее предлагают тому, кто остро в ней нуждается. И слепой, у которого неожиданно оказалось столько друзей, понемногу становился неузнаваемым. Не раз прохожие останавливались в изумлении, увидев на лице слепого улыбку: радость переполняла его и рвалась наружу. Он не чувствовал больше одиночества, жизнь казалась ему прекрасной. Прекрасным был прежде всего тот факт, что зрячие дети с удовольствием проводили с ним время. Это создавало впечатление, почти уверенность, что между ним и ими нет существенной разницы. Он с нетерпением ждал их прихода, словно находился у театра не для того, чтобы просить милостыню, а для встречи с друзьями.

Каждый раз, направляясь к нему, дети первым делом заходили в бар к Чезаре. Они делали ему знаки у витрины, и он выходил с завернутым в бумагу пирожным.

— Сегодня свеженький сабайончик, — говорил он иногда, принимая пятьдесят лир. — Я положил самый большой.

Продолжение. Начало в № 1.

Однажды случилось нечто непредвиденное. Нандо взял пирожное, но не принялся, как обычно, есть его, а обратился к детям с вопросом:

— Почему вы сами никогда не едите эти вкусные вещи? Если у вас нет денег, тогда и я не стану есть...

— Денег у нас сколько угодно! — воскликнул Раджоньере, пренебрегая тем обстоятельством, что в его тетради, в графе «Кредито», выстроился уже длинный ряд цифр по «50 лир».

— Нет, не могу допустить, чтобы я ел, а вы только смотрели, — настаивал слепой. — Возьмите пирожное обратно!

Не желая оставить Нандо без сладкого, Раджоньере сделал шикарный жест, не как «должностное лицо», а как друг.

— Вот еще! — запротестовал он. — Нам тоже пришла охота полакомиться. Сейчас я пойду и куплю еще шесть пирожных...

Для баланса батаги этот красивый жест был равносильен экономической катастрофе. Касса почти опустела. Пертика, который был очень озабочен этим, внес предложение:

— А почему бы пирожные, которые мы купим для себя, не поделить пополам? Вместо шести купим три. Нандо не заметит, а мы сэкономим.

Но и это не помогло. В кассе скоро осталось лишь сто пятьдесят лир. Кроме пирожных, был и еще серьезный расход. Ребята видели, как мало стал собирать слепой мальчик из-за долгих разговоров с ними. Поэтому перед уходом они всегда незаметно клали в его чашку немного денег.

Когда шестерка вернулась в Сан Лоренцо, Раджоньере тут же на площади сообщил печальную весть:

— Друзья, от денег, которые мы собрали на покупку футбольного мяча, почти ничего не осталось. Для матча с Сан Джованни нам придется либо купить простой резиновый мяч, либо сделать большой мяч из тряпок.

Ни у кого не нашлось и слова упрека. Марко сказал:

— Нечего заниматься вздорными разговорами о резиновых мячах и тряпках. Нужен настоящий мяч номер пять, такой, какой был у санджованцев, когда они пригласили нас. Не можем же мы позвать их играть здесь, на площади. Надо снять настоящую футбольную площадку, как сделали они. Это вопрос чести. Пока мы их не побьем, они будут считать себя сильнее нас. Надо во что бы то ни стало найти две тысячи лир на мяч и пятьсот лир для уплаты за площадку.

Все стояли молча. Этим ребятам не часто приходилось видеть деньги. Родители их работали много, а зарабатывали мало. Только Джиджино, отец которого занимался памятниками, выступил и сказал:

— У меня есть сто десять лир. Я охотно внесу их на это дело.

Раджоньере взял деньги, пересчитал их и занес в графу «Дебито». Затем тряхнул головой:

— Мало! — пробормотал он. — Почти ничего! Нужны тысячи лир. Тысячи! Понимаете?..

Сумма, и впрямь, была огромная. Ребята разошлись в полном унынии.

— Только не падать духом! — сказала Джованна, покидая площадь вместе с Джиджино и Марко. — Вот увидите, всё устроится.

— Вы, женщины, горазды болтать языком, — пробормотал Марко. — А мы рискуем стать посмешищем всех римских кварталов.

— Пусть попробует кто-нибудь посмеяться над нами! — воскликнул Джиджино. — Мы ему покажем!..

Джованна посмотрела на него с сожалением: он был такой худенький и слабый, что вряд ли устроил бы кого-нибудь.

— Замолчи, трусишка! — сказала она. — Зубри лучше свою латынь, а этими делами займется Марко.

— Я не трус! — крикнул Джиджино, сжимая кулаки. — Мне надоело слышать это!

— Перестань, не зли меня, — мрачно сказал Марко.

Джиджино умолк: когда Марко злился, с ним были шутки плохи.

— Я охотно дал бы хоть немного денег, — продолжал Марко. — Но не знаю, как быть. Тех жалких лир, что я зарабатываю, не хватает на самое необходимое.

— Только этого недоставало! — горячо возразила Джованна, взяв его за руку. — Ты и без того много сделал для ватаги.

Сердечный тон этих слов всколыхнул в душе Джиджино чувство ревности. Почему с Марко Джованна всегда так ласкова, а на него, Джиджино, смотрит сверху вниз?..

...Три дня ватага искала способов собрать деньги. Кто пытался подработать, выполняя различные поручения, кто продавал бумажную макулатуру, кто для общего дела урезал свои карманные расходы. Пертика даже притворился больным и выпросил у отца пятьдесят лир на шарфик, которого, конечно, не купил. Таким образом набрали триста лир и присоединили их к оставшейся в кассе мелочи.

— Мало, мало, жалкие гроши! — протестовал Раджоньере, пополняя кассу и записывая поступления в свою ведомость. — Не хватает еще двух тысяч ста лир!

В эти дни у ребят не нашлось времени навесить слепого. Когда, наконец, они пришли к нему, вспыхнувшая на его бледном лице радость показала, с какой тревогой и тоской ждал он их. И дети почувствовали себя виноватыми.

— У нас было так много дел! — объясняла Джованна, тронутая его волнением. — Извини, пожалуйста, мы решали много очень важных вопросов.

Нандо ничего не знал ни о футбольном мяче, ни о вызове на состязание, ни вообще о соперничестве с районом Сан Джованни. Друзья умолчали обо всем этом, — отчасти, чтобы не касаться деликатного вопроса о деньгах, отчасти из нежелания дать слепому почувствовать, что он стоит в стороне от жизни ватаги. Однако мальчик сразу понял, что у них что-то не ладится, и был очень удивлен этим. Ему

казалось, что у его друзей не могло быть никаких неприятностей.

— Я чувствую, что вы невеселы и чем-то недовольны, — сказал он. — Случилось что-нибудь нехорошее?

— Нет! Нет! — поспешил возразить Джиджино. — В нашем квартале всё в порядке.

— Вы так часто говорите о своем квартале, что это начинает интересоваться меня. Какой он? В самом ли деле так хорош?

Ребята переглянулись. Вот дураки! Им никогда не приходило в голову пригласить Нандо к себе, в Сан Лоренцо...

— А тебе хотелось бы увидеть его? — спросил Марко.

Прежде чем Джиджино успел сделать ему знак, Нандо с улыбкой ответил:

— Конечно, хотелось бы. Увидеть по-своему: звуки, запахи, голоса говорят мне с многим.

Он сказал это лишь бы сказать что-нибудь: желание казалось ему невыполнимым.

Но Джованна думала иначе.

— В самом деле! — воскликнула она. — Так в чем же дело! Надо, чтобы ты побывал у нас. Наш квартал — замечательный, вот увидишь! Это не то, что здесь, в центре, или в каких-нибудь богатых кварталах!

— В самом деле, — вмешался Марко. — Что ты знаешь о Риме, если не был в Сан Лоренцо? Увидишь, что за народ там! Все наши друзья, рабочий люд, симпатичные парни, настоящие римляне. Нет, ты непременно должен побывать у нас!

Остальные ребята стали горячо настаивать, чтобы Нандо принял приглашение. Но он вдруг стал серьезным и покачал головой.

— Мне было бы очень приятно, — печально сказал он. — Но это невозможно.

Дети поняли: он боялся старухи, которая могла заметить его отсутствие.

— Мы вернемся во-время, никто ничего не узнает, — успокоила его Джованна.

Уступая настойчивым просьбам друзей, Нандо согласился.

Джованна была в восторге. «Правда, это не то, что море, — думала она, вспоминая мечту Нандо, — но всё равно и это будет ему приятно».

— Завтра придем за тобой, — сказал Пертика, сжимая руку слепого. — Вот увидишь, тебе здорово понравится...

Так как близилось время, когда за Нандо приходила старуха, дети, оживленно болтая, поспешили уйти.

— Что вы такие довольные? — спросил Чезаре, который по обыкновению чистил витрину бара.

— Завтра к нам в Сан Лоренцо придет Нандо! — ответила за всех Джованна.

— Какая жалость! Мне тоже хотелось бы побывать у вас вместе с ним. Но из-за этой проклятой работы никогда нет минутки свободной.

Он вздохнул, красный от натуги, и торопливо стал тереть стекло витрины громадной тряпкой.

СЛЕПОЙ В ГОСТЯХ У ВАТАГИ

По правде говоря, в квартале Сан Лоренцо не было ничего необыкновенного. Разве только то, что он примыкал к большому кладбищу. В остальном это был обычный рабочий квартал, каких много в любом крупном городе. Но попробуйте сказать это кому-нибудь из ребят Сан Лоренцо! Вы услышите негодующий крик, что ничего не понимаете, может быть, даже упрек, что вы «барин».

В самом деле, свой квартал всегда кажется его обитателям чем-то необыкновенным. Так, жители квартала Колизей гордятся величественным памятником древнеримской архитектуры, живущие в центре хвастают уличным движением, большими кинематографами, шикарными магазинами. Обитатели роскошных кварталов, вроде Париоли, щеголяют богатыми виллами и стоящими у решеток лимузинами, хотя они принадлежат кучке финансистов, а не тем, кто хвалится ими.

Для наших ребят их квартал казался самым лучшим. Они гордились не монументами, не красивыми магазинами, не элегантными виллами, которых здесь не было, а людьми, которые здесь жили.

Сан Лоренцо населен исключительно рабочими. Поэтому ватага Сан Лоренцо гордилась, как и их родители, своим кварталом и работой, которая в нем кипела. Неудивительно, что и главарем ватаги был избран подмастерье Марко.

Всё это дети старались объяснить слепому, когда в один из погожих дней они пришли за ним к театру.

Когда Джиджино, Пертика и Джованна привели Нандо в Сан Лоренцо, его приветствовали на своей территории Беппоне, Джиджино 2-й Мавр, Раджоньере и даже Луиза. Не было только Марко. По будням он работал, и обязанности вожака исполнял Пертика.

— Наш квартал замечательный, — объясняла слепому Джованна, ведя его за руку. — Он совсем не похож на тот, где ты сидишь, около театра. Здесь у нас живет самостоятельный народ. Мой отец работает токарем, понимаешь? Есть и железнодорожники, работники трамвая; они живут в коммунальных домах. Кстати, о домах: не беда, что ты не можешь увидеть их. Они не очень красивые, — вернее сказать, совсем старые. Есть большие-пребольшие, на двести семей и даже больше. А есть совсем маленькие — хибарки, где целая семья живет в одной комнатухе. Тебе придется подниматься по лестницам. Вот где бывает потеха! Мальчишки то и дело снуют вверх и вниз, иногда скатываются верхом по перилам. Когда была война, снаряды падали как раз на этом месте... Я была еще совсем маленькая, ничего не помню. Давай руку, потрогай вот здесь...

Джованна взяла руку слепого и дотронулась ею до выбоины в стене.

— Сюда ударил осколок. Были убитые. Моя тетка и трое детей ее тоже погибли. Правду говорят, что от войны больше всего достается беднякам.

У Джованны была своя манера объяснять события и факты. Она не стремилась к тому, чтобы Сан Лоренцо показался слепому лучше, чем был на самом деле. Ей хотелось передать ему дух квартала, которым она сама была пропитана насквозь. И Нандо не трудно было ориентироваться в обстановке, которая глубоко заинтересовала его.

Для него имели значение запахи и звуки. Вместо несмолкаемого шума движения, характерного для улиц центра, он слышал здесь лишь мерное поскрипывание ручных тележек и стареньких трамваев, дробный стук молотков в кустарных мастерских и

тот своеобразный простонародный говор, который сразу создавал представление о живом, общительном и добродушном характере проживающих здесь людей.

— Мы не встретили еще ни одной нарядной дамы, — сказал вдруг Нандо.

— Здесь их нет, — рассмеявшись, ответила Джованна. — Они бывают там, в центре, в разных кафе и кинематографах. В Сан Лоренцо они заглядывают на минутку только в дни поминания умерших, когда проходят через наш квартал на кладбище. Впрочем, у нас тут есть дурочки, которые хотят быть похожими на них... Но как ты догадался?

Луиза побагровела от злости. Слепой усмехнулся.

— По запаху. Когда я сижу возле театра, часто слышу проходящих богатых дам: от них всегда пахнет духами.

В этот момент они подошли к кузнице.

— Сейчас ты поймешь, как работают наши родители, — сказал Пертика. — Зайдем!

Он первый шагнул в кузницу, приглашая остальных.

В маленьком полутемном помещении работали двое: один, помоложе, держал щипцами подкову и бил по ней молотом, другой, пожилой, раздувал мехом огонь в небольшом горне.

— Нино, вот мой друг, — сказал Пертика молодому. — Ему хочется узнать, как ты работаешь.

— Пускай смотрит, — ответил, не оборачиваясь, молодой кузнец и продолжал стучать молотом.

— Но он не может смотреть, он слепой...

— Извини, друг, я не заметил, — сказал Нино, подходя к ребятам.

Нандо почувствовал, как его руку взяла другая, большая, горячая рука и дружески пожала ее:

— Сейчас я всё покажу тебе. Ты только не пугайся...

Он подвел его к наковальне.

— Мы делаем подковы из раскаленного железа. Берем кусок и до тех пор бьем по нему молотом, пока он не примет нужную форму. Ты чувствуешь раскаленное железо?..

Говоря это, он поднес разогретую до красна болванку так, чтобы жар ее достигал лица Нандо. Слепой ощутил этот жар, и ему показалось, что к нему поднесли кусок солнца, с которым люди научились делать всё, что угодно.

— Дать железу любую форму, какую захочешь, — это самое интересное в нашей работе. Теперь слушай...

Нино положил железо на наковальню и принялся бить молотом.

— Когда так бьешь молотом, во все стороны летят искры. Кажется, будто железо бунтует, сопротивляется. Но напрасно, всё равно я сделаю из него то, что захочу.

Нандо не видел искр, но угадывал их. При каждом ударе молота он чувствовал горячую волну, возникающую одновременно с грохотом. Сердце его учащенно билось. Он знал, что железо очень твердо на ощупь. Его приходилось бить молотом долго. И вот человек размягчал его и давал ему ту форму, какую хотел. Он слышал тяжелое дыхание Нино, чувствовал запах его пота. Этот запах и жар раскаленного железа создавали ощущение силы.

— Хорошая работа, — сказал Нандо. — Она дает возможность почувствовать свою силу. Большую силу.

— Верно, — сказал старый кузнец, наблюдая издали эту сцену. — Потому мой дед, который был кузнецом, научил этому ремеслу отца, а я обучил сына, который, конечно, передаст его своим детям. Лучшее нашего ремесла нет ничего на свете.

Дети простились и ушли.

— Вот так примерно работают многие из наших родителей, — пояснил Пертика. — Большинство работает на фабриках. Представь себе мастерскую раз в тысячу больше этой кузницы — вот что такое фабрика. В нашем квартале люди трудятся потому, что хотят стать самостоятельными.

Они вышли на площадь, где дюжина ребятшек занималась игрой в мяч. Увидев слепого, они обступили его. Каждый старался пожать ему руку, сказать что-нибудь. Его здесь знали все. Один из мальчишек даже предложил ему поиграть в мяч:

— Становись, где тебе нравится!

Не успели ему сделать знак, как слепой с улыбкой ответил:

— В другой раз, сейчас мне неохота.

— Нандо сыграл бы не хуже Джиджино, — сострила Джованна, желая сгладить создавшуюся неловкость.

Все рассмеялись, разумеется, кроме Джиджино.

Впрочем, Джиджино был вознагражден тем, что ему удалось позвать Нандо в мастерскую своего отца, мастера по мрамору, изготавливавшего кладбищенские памятники. В Сан Лоренцо, благодаря близости клад-

биша, таких мастерских было много. Они составляли целый обособленный участок, состоявший из навесов или легких киосков, которые служили одновременно мастерской, жильем и торговым заведением. Несмотря на постоянное соседство с могилами и надгробными памятниками, несмотря на тяжелый труд, мастера, как и все остальные обитатели Сан Лоренцо, неизменно были добродушны и веселы.

— Мой отец — настоящий художник, — с гордостью заявил Джиджино. — Он делает замечательные памятники и статуи. Их заказывают ему не только в Риме, но даже из других городов. Потрогай...

Он положил руку слепого на мраморного ангела. Минуту постояв молча, Нандо круто обернулся:

— Я не знал, что делают детей с крыльями!

Потом он добавил:

— Впрочем, может быть, это и красиво. Если бы у меня были крылья, я мог бы подняться так высоко, что летал бы, не боясь задеть кого-нибудь...

Детям пришла в голову мысль сводить Нандо на кладбище. Безмолвие кладбища ему не понравилось. Пертика начал было объяснять, но Нандо прервал его:

— Я предпочитаю всё живое, шумное, — сказал он. — Тишина пугает меня. Напрасно устроили кладбище рядом с таким веселым и оживленным кварталом, как ваш. Давайте лучше гулять по Сан Лоренцо!

По пути с кладбища они проходили мимо пекарни, и запах свежеспеченного хлеба возбудил у всех аппетит. Джиджино, двоюродный брат которого был пекарем, зашел в помещение, попросил несколько хлебцев и один из них дал слепому.

— Какой приятный запах! — воскликнул Нандо. — Счастливы те, кто может сам зарабатывать свой хлеб, как Нино, как все ваши родители.

Несколько минут он молчал, погруженный в свои мысли. Затем вдруг поднял голову:

— Только теперь я понял, что вы бедняки и, наверно, покупать пирожные вам было очень трудно. Но я понял также, что, несмотря ни на что, вы всё-таки счастливы. Правда?

— Правда, — просто ответила Джованна.

— Поэтому вы так гордитесь своим кварталом, своими родителями. Живя здесь, многое можно узнать. Как я завидую вам!

Нандо и его друзья шли по улице, уступая дорогу встречным. Мимо них проносились на велосипедах мальчуганы, проезжали тележки с могильными камнями, время от времени откуда-то тянуло запахом цветов. На каждом шагу детям встречались знакомые, с которыми они обменивались веселыми приветствиями.

— В Сан Лоренцо много народу, — объяснял Пертика. — И каждого мы знаем в лицо и по имени. Жаль, что ты не можешь видеть, ты убедился бы, что все они также и твои друзья, хотя тебе не приходилось и словом обмолвиться с ними.

— Ты думаешь, что я не замечаю этого? — Нандо улыбнулся своей обычной мягкой улыбкой. — Я чувствую это. Они такие же, как и вы. Там, в центре, люди кажутся мне чужими. Здесь же, у вас, совсем другое. Вы не можете представить, как я счастлив! Теперь я никогда не буду чувствовать себя одиноким!

Они свернули в переулок. И вдруг до них из-за высокой стены донеслись возбужденные голоса детей.

— Это спортивная площадка, — объяснила Джованна. — Ее оплачивают по часам.

— И вы там играете? Дорого это стоит?

Ребята вспомнили о деньгах для уплаты за площадку, которых больше не было, и смущенно замолчали.

— Идем, — заторопила Джованна, — я покажу тебе рынок Сан Лоренцо. Громаднейший рынок! Каждый день здесь сгружают десятки вагонов разных товаров. Ты знаешь, что такое поезд?

Этот простодушный вопрос, который напомнил Нандо одно из самых страстных его желаний, заставил мальчика горько усмехнуться.

— Нет, — ответил он. — Но мне всегда так хотелось путешествовать! Это моя мечта.

Они собирались уже войти в помещение рынка, как вдруг Раджоньере схватил Пертику за руку.

— Смотри! — взволнованно крикнул он. — Серджио мчится сюда и подает нам какие-то знаки. Наверно, случилось что-нибудь серьезное.

Рыжеволосый мальчуган, балансируя на стареньком велосипеде, нажимал изо всех сил на педали и, стоя в седле, кричал истошным голосом:

— Тревога! Тревога! Наступает ватага Сан Джованни!

ВАТАГА САН ДЖОВАННИ НАПАДАЕТ

Широкое шоссе тянулось вдоль товарной платформы Сан Лоренцо. По этому шоссе двигалась в боевом порядке ватага Сан Джованни. Две небольшие группы прикрывали фланги основного отряда, которым предводительствовал главарь — Леонэ. Ребята шли настороженно, словно и впрямь готовились вторгнуться на вражескую территорию.

Весть, принесенная Серджио, заставила санлоренцийцев прийти в боевую готовность. Пертика подтянулся и принял командование. Посыпались приказы. Серджио помчался на своем дребезжащем велосипеде за подкреплением. Двое были отправлены на шоссе в дозор. Потом Пертика шепнул Джованне и Джиджино:

— Уведите куда-нибудь Нандо!

— Пусть Джованна одна сторожит Нандо, — запротестовал Джиджино. — Я остаюсь с вами.

— Делай, что приказывают! От тебя всё равно проку мало.

— Ты не обидишься, если мы постоим немного, пока они наговорятся?

Нандо недоумевающе кивнул.

Джиджино, оставшись с Пертикой, теперь заметно бледнел.

— Смотри, сам Леонэ! — взволнованно пробормотал он. — С ним трудно тягаться.

Все знали, что пятнадцатилетний Леонэ занимался боксом на гимнастической площадке. Было чего бояться! Высокий, широкоплечий, он шагал, словно генерал во главе войска, прямо к ребятам из Сан Лоренцо. На лице его было написано высокомерное равнодушие.

Когда ватаги сблизилась, Пертика, согласно обычаю, спросил:

— С чем пришли? Мир или война?

Санджованцы молча начали окружать ватагу Сан Лоренцо. Как только маневр был закончен, Леонэ ответил:

— Это будет зависеть от вас.

Пертика и его друзья облегченно вздохнули. Боевой порядок противника давал основание опасаться гораздо худшего. Впрочем, по давнему неписаному закону, запрещалось открывать военные действия без предупреждения, да еще на чужой территории.

Джиджино обиженно пожал плечами и не двинулся с места.

— Что случилось? — спросил Нандо, заподозрив что-то недоброе.

— Пустяки, небольшой секретный разговор с друзьями, — сказала Джованна, взяла слепого мальчика за руку и повела за собой. Пройдя несколько домов, она вошла с ним в один из подъездов.

Несколько секунд противники молчали. Наконец Леонэ заговорил:

— Так что же, будет матч-реванш? Может быть, вам лучше просто признать свою команду более слабой?

— Никогда! — возмутился Раджоньере, но тут же осекся: санджованцев было больше, следовало сдержаться и соблюдать благоразумие.

Леонэ как будто не обратил внимания на выкрик Раджоньере и продолжал:

— Разве вы забыли, что мы ждем вашего вызова? И ждем давно. В чем же дело? Верно, у вас опять нет мяча? Ну? Так как же — есть мяч или нет? — повторил он и насмешливо улыбнулся, увидев как опустились головы у ребят из Сан Лоренцо.

— А деньги для уплаты за площадку есть? Не играть же нам на улице! Мы истратили восемьсот лир, чтобы принять вас на настоящей футбольной площадке.

— Держу пари, у них нет ни мяча, ни денег на площадку, — вызываяще сказал один из санджованцев. — Я всегда говорил, что они голодранцы.

Санлоренцийцы содрогнулись от негодования.

— Будь здесь Марко, вы не посмели бы так с нами разговаривать! — крикнул взбешенный Пертика.

— Очень боюсь я твоего Марко! — ответил Леонэ и поднес кулак к самому носу Пертики.

Стоявший рядом Джиджино отступил на полшага.

Джованна, которая чуть не свернула себе шею, выглядывая из подъезда, прикусила губу. Она не слышала ни одного слова, но по красноречивым жестам было не трудно догадаться, что тучи сгущаются...

— Дело дрянь, — пробормотала она.

— Что дрянь? — переспросил Нандо.

— Ничего, ничего! Я говорю о погоде: слишком облачно становится.

У Пертики от ярости перехватило дыхание. Кулак Леонэ, торчавший перед его носом, следовало рассматривать как прямой вызов. Не будь он сейчас за главаря, он бы, конечно, не стерпел такого оскорбления. Но он отвечал не только за себя.

А положение ватаги из Сан Лоренцо было шатким — шестеро против двадцати. Подкрепления все еще не было.

Леонэ, уверенный в своем преимуществе, продолжал издеваться.

— Чем вы собираетесь играть? Резиновым мячиком? Или, может быть, тряпичным? Тряпичники!

Беппоне, по обыкновению некстати, решил сказать свое слово.

— Мы вовсе не тряпичники! Деньги на мяч у нас были, но мы их истратили на пирожные, чтобы угостить...

— Ах, вот как! — подхватил Леонэ. — Вы, оказывается, важные господа, устраиваете званые приемы. Уважаемые синьоры, окажите и нам честь, угостите хоть кусочком пирожного...

— Хватит! — крикнул, забыв всякую осторожность, Пертика. — Реванш будет, и мы покажем вам...

— Спокойнее! — угрожающе прервал его Леонэ. — Спокойнее, когда говоришь с вожакom ватаги Сан Джованни! Я вот что скажу: вы презренные трусы и просто боитесь вызвать нас на состязание. Кролики вы несчастные и больше никто!

Леонэ шагнул еще ближе к Пертике, как бы вызывая его на решительные действия. Однако Пертика проглотил оскорбление и не двинулся с места. Джиджино затрясся, как в лихорадке.

«Что-то будет? — думал он и тут же пытался успокоить себя: — Чего мне бояться? Ведь я не один».

Леонэ, увидев, что затеять ссору не удастся, чуть отступил и крикнул:

— Вот что Сан Джованни думает о Сан Лоренцо!

С этими словами он плюнул прямо под ноги смертельно побледневшему Пертике.

Джиджино вспыхнул, словно его обожгла пощечина. Никто и никогда еще не осмеливался нанести кварталу Сан Лоренцо подобного оскорбления! Джованна, верно, видит всё это из своего укрытия... Он представил себе ее сузившиеся насмешливые глаза, ее язвительный голос: «Марко не стерпел бы этого».

Неожиданно для самого себя Джиджино закричал:

— Я тебе покажу!

Он одним прыжком вырвался вперед и стал лицом к лицу с Леонэ.

— А тебе, заморыш, что надо? — снисходительно спросил Леонэ, глядя на Джиджино сверху вниз.

Но Джиджино уже ничего не слышал и ничего не понимал. Ярость овладела им. Оскорбление, нанесенное его кварталу, мысль о насмешках Джованны, воспоминание о том, что он сам только что был полон страха, — всё это пробудило в нем настоя-

шую храбрость. Он широко размахнулся и изо всей силы ударил Леонэ кулаком в подбородок.

Санджованцы остолбенели: никто еще не осмеливался нападать на Леонэ, настоящего боксера полулегкого веса. Больше всех был поражен сам Леонэ. Однако он быстро овладел собой.

— Сейчас я тебя обработаю! — крикнул он. — А вы все не путайтесь!

Скинув пиджак, Леонэ бросил его на руки кому-то из санджованцев и встал в боевую позицию.

Раз! два! Удар правым кулаком, удар левым... и Джиджино уже лежит на земле. Струйка крови потекла из его носа.

Джованна, держа за руку ничего не понимающего Нандо, высунулась из подъезда и крикнула:

— Беги, Джиджино, беги! Он тебя изуродует!

Этот совет словно придал мальчику новые силы. Он вскочил, упрямо мотнул головой и вытер кровь рукавом. Ноги его дрожали, от боли выступили слезы, но он опять, как кошка, прыгнул на Леонэ.

Схватка продолжалась минут пять. Джиджино получал гораздо больше ударов, чем наносил. Трижды он оказывался на земле, и всякий раз Леонэ, размахивая над его головой кулаками, иронически спрашивал:

— Ну, хватит? Нет? Хочешь еще? Тогда вставай!

И Джиджино вставал и, пошатываясь, бросался на Леонэ.

В четвертый раз Джиджино уже не смог подняться. Сделал попытку и опять упал.

— Я не сдался! — упрямо повторял он. — Только помогите мне встать, и я покажу ему, как плевать на Сан Лоренцо!

— Он еще пищит! — сказал Леонэ, надевая пиджак. — Да тебя не приняли бы даже в группу начинающих легковесов. Пошли, ребята! На сегодня хватит.

Санджованцы окружили своего главаря.

— Здорово им досталось! — сказал один из них. И, обернувшись к ватаге Сан Лоренцо, крикнул: — Если мало, — добавим: за нами дело не станет!

Леонэ подал знак, и санджованцы удалились с видом победителей.

Теперь Джованна уже не боялась за Нандо.

— Постой здесь, — сказала она слепому и кинулась к месту сражения.

Отважный Джиджино всё еще лежал на земле. Из носа и разбитой губы текла

кровь, под глазом темнел громадный синяк.

— Идем к фонтану, — ласково проговорила девочка, — я тебя умою.

Она помогла Джиджино подняться и положила его руку к себе на плечо.

— А всё-таки я не сдался! — сказал Джиджино. — Один раз и я влепил ему кулаком прямо в нос.

Ребята почтительно расступились. Они никогда не думали, что Джиджино может напасть на Леонэ. Им было стыдно, что это он, а не они проявили такую смелость.

Смоченным в воде платком Джованна осторожно оттерла кровь с лица Джиджино, беспомощно сидевшего на краю фонтана.

— Тебе больно? — участливо спросила она.

— Нет, — ответил Джиджино.

На самом деле ему было очень больно. Но ему хотелось, чтобы Джованна подольше возилась с ним.

— Ты был сегодня храбрым, — сказала девочка. — По-настоящему храбрым. Самым храбрым из всех. Даже Марко не мог бы быть смелее.

Гордость переполнила сердце Джиджино. Сама Джованна три раза называла его храбрым, даже сравнила с Марко...

Растроганная Джованна просто уж и не знала, чем бы еще угодить Джиджино.

— Я для тебя сделаю, что хочешь, — сказала она.

— Правда? — обрадовался Джиджино. — Знаешь что, — попроси Марко, чтобы он принял меня в футбольную команду!

Этого Джованна никак не ожидала. По правде говоря, Джиджино был плохим футболистом. Но слово дано...

— Ладно. Я поговорю с Марко.

Джиджино вскочил, забыв о своих ранах.

— Ура, — значит, я буду в команде!

Друзья столпились вокруг него, пожимали руки, похлопывали по плечу. Вдруг около них послышался голос Нандо:

— Что случилось? Почему меня все оставили?

Он шел медленно, беспомощно обшаривая руками пустое пространство. Все бросились к слепому. В суматохе они совсем забыли о нем.

— Прости, Нандо, — сказал Пертика. — Мы тут немножко поссорились с ребятами из Сан Джованни. Ты, наверно, не знаешь... Это наши враги. Джиджино дрался с их вожаком.

Нандо очень удивился.

— Как дрался? Почему?

— Понимаешь, они из другого квартала...

— Ну, и что же? Разве вы с ними не дружите?

— Мы? Дружить с этими... из Сан Джованни? Еще чего не хватало! Сегодня нам пришлось туго, но в следующий раз им не поздоровится, можешь быть спокоен.

Нандо был окончательно сбит с толку. Он грустно покачал головой.

— Я ничего не понимаю...

— Если бы ты жил с нами, в Сан Лоренцо, ты всё понял бы, — сказал Раджоньере. — Тут вопрос чести.

— Уже поздно, пора отвести Нандо к театру, — вмешалась Джованна. — Я провожу его, а вы расходитесь по домам.

В эту минуту вдали показалась толпа ребят. Они мчались во весь дух... Впереди несли Серджио на велосипеде.

— Смотрите, подкрепление! — сказал Джиджино, подмигивая распухшим глазом. — Поздновато явились, не успели увидеть, как я дрался!

* * *

Джованна и Нандо шли, держась за руки. Мальчик долго молчал. Он был потрясен. Выходит, его друзья совсем не такие, какими он представлял их себе. Они были так добры к нему, так заботливы и ласковы... Нандо думал, что они с целым миром друзья... А оказывается...

— Часто у вас бывают такие драки? — вдруг спросил он Джованну.

— Нет, давно уже не бывало. Но сейчас, наверно, начнется война между нами и Сан Джованни.

— Война? — ужаснулся Нандо, не веря своим ушам. — Зачем? Если вы ладите между собою в Сан Лоренцо, почему вам не ладить с ребятами из Сан Джованни? Не может же быть, чтобы в Сан Лоренцо жили только хорошие мальчики и девочки, а в Сан Джованни только плохие.

— Тебе не понять этого, — ласково сказала Джованна. — Ты немножко... Ты немножко витаешь в облаках.

— Ты, верно, думаешь: он не может понять, потому что он слепой, — ответил Нандо. — Но то, о чем я говорю, нужно не видеть, а чувствовать.

— Совсем нет, я этого не думала. Я хочу только объяснить тебе, что ты всё немного... приукрашиваешь...

— Почему? Потому, что я хочу узнать, какое море и поехать на поезде, или потому, что хочу, чтобы все были друзьями?

— Нет. Потому, что ты веришь, будто среди ребят может быть всегда согласие. Мы хороши с хорошими и плохи с плохими.

— Неужели вы считаете, что драка заставит кого-нибудь перемениться? Какой толк в драках? Никакого. Старуха без конца бьет меня, чтобы заставить вымаливать милостыню у прохожих. А чего она добилась? Ничего. Скажи мне: если бы санджованцы тебя избили, ты изменила бы свое мнение о них?

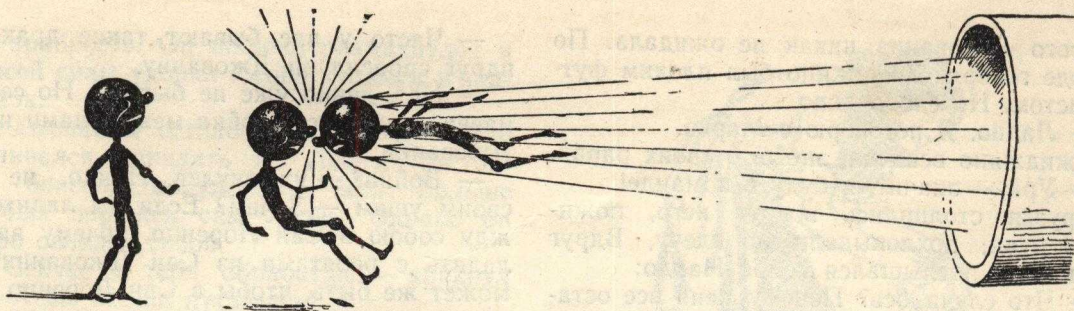
— Я? Никогда! Даже если бы они с меня кожу содрали.

— Ну вот, видишь. К чему же это всё ведет? Не лучше ли договориться? Оттого, что вы воюете, всё остается, как было, даже становится хуже. Я ведь знаю, ты очень добрая. Обещай мне, что не станешь подбивать своих друзей на драки с санджованцами!

Джованна молчала. Нандо может или дружить или терпеть обиду... Он не умеет бороться. Ему невозможно объяснить, почему ватага Сан Лоренцо не должна мириться с ватагой Сан Джованни. Вот, например, сегодня санджованцы были кругом виноваты! Нандо, конечно, очень больно от всего, что он узнал. Но дать обещание, — значит, покривить душой. И она ничего не ответила.

Так молча они дошли до театра.

(Продолжение следует)

МИРНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

Ю. Шукалюков

Человек, никогда не игравший в футбол, вряд ли забьет мяч в ворота даже с расстояния и одиннадцати метров. Трудно забросить баскетбольный мяч в сетку. И только очень хорошему стрелку удастся поразить движущуюся цель.

Но если б вам предложили взять одну пылинку и попасть ею в другую, которая находится в километре от вас?

Конечно, вы не стали бы делать это. Ну как можно вообще взять в руки одну пылинку? Да еще бросить ее за километр!

Ученым-физикам приходится решать задачи куда более трудные. Что там пылинки! «Снарядами», которые во много тысяч раз меньше самой маленькой пылинки, следует попасть в мишень такого же размера. Причем попасть нужно так, чтобы мишень эта развалилась на куски. Для этого строят специальные пушки, совсем не похожие на военные.

Прежде чем узнать, как выглядят эти «пушки», познакомимся с устройством «снарядов».

Материал, из которого сделаны такие микроскопические снаряды, всегда находится под рукой. Это — атомы.

Каждое вещество состоит из очень мелких частичек — атомов. Они так малы, что размер их не превышает одной стомиллионной доли сантиметра. Их не только простым глазом, но и нивкакой микроскоп не разглядишь.

Каждый атом устроен очень сложно. В центре расположено ядро, а вокруг него, как планеты вокруг Солнца, носятся особые частички — электроны. Только скорость электронов гораздо больше, чем у планет.

Электроны и атомное ядро электрически заряжены. Если вблизи стеклянной палочки, ко-

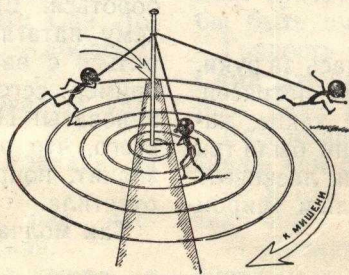
торую предварительно потерли о какой-нибудь кожаный предмет, окажется ядро атома, оно тотчас же прилипнет к ней, словно железный гвоздь к магниту. Значит, атомное ядро заряжено положительно.

А если поблизости от той же стеклянной палочки поместить электрон, все произойдет наоборот. Электрон и стеклянная палочка — как будто непримиримые враги — оттолкнутся друг от друга. Это значит, что электрон заряжен отрицательно.

Почему же стеклянная палочка, потеряв о кожу, находится в дружбе с ядром атома, а с электронами — во вражде?

Ученые давно уже установили, что положительно заряженные предметы притягиваются к отрицательно заряженным. А заряженные отрицательно отталкивают друг друга. Поэтому-то столь охотно «приклеилось» к стеклянной палочке ядро атома, и с таким «недружелюбием» отвернулся от нее электрон.

Ну а как заряжены атомы — положительно или отрицательно? Положите на одну чашу весов гирию в один килограмм, а на другую — десять стограммовых гирек. Весы останутся в равновесии. То же самое происходит с атомом. Положительный заряд ядра уравнивается отрицательным зарядом «стайки»

Рисунки В. Свешникова

электронов. В целом же атом не заряжен.

Каким же образом атомы можно превратить в «снаряды» и что за «порох» нужно применить, чтобы снаряды эти могли «взрываться»?

Оказывается, что «порохом» этим является электрический заряд. Поэтому и ядра атомов, и электроны могут быть «снарядами». Сами же атомы для «стрельбы» не годятся.

Как устроена «пушка», стреляющая ядрами атомов? Главные ее принадлежности — две электрически заряженные пластины. Чтобы их зарядить, к пластинам присоединяют полюса большой электрической батареи.

Представьте себе, что в пространство между этими пластинами втолкнули ядро атома. Ядро немедленно устремится к отрицательно заряженной пластине. И если на его пути окажется мишень, ядро обязательно попадет в нее.

Вот и «пушка» готова, скажете вы, теперь можно бы и начинать «стрельбу»!

Однако это не совсем так. Ведь снаряды, которыми будут стрелять, пока еще обладают совсем небольшой силой. И, попав в мишень, они отскочат от нее, как мяч от стены. Произойдет это потому, что расстояние между заряженными пластинами очень мало. Ядра пролетают его так быстро, что не успевают набрать нужной скорости. В результате удар оказывается слишком слабым.

Если отодвинуть пластины подальше друг от друга, то ядру придется пролететь, конечно, большее расстояние. Но зато и действовать на него пластины будут слабее. Ядро словно перестанет чувствовать влияние отрицательно заряженной пласти-

ны, и удар попрежнему окажется чересчур слабым.

Как добиться, чтобы ядро летело подольше и набрало достаточную силу для удара? Думали-думали ученые и решили заставить ядро двигаться не по прямой линии, а по кругу. Да к тому же пролететь не один, а много-много кругов. Для этого пластинам придали специальную форму — вроде той, которая получается, когда обыкновенную консервную банку разрезают пополам. Затем к каждой из пластин присоединили по одному полюсу электрической батареи. Только прибор, построенный учеными, получился раз в сто больше консервной банки.

Вот теперь «пушка» действительно готова и можно было начинать «стрельбу». Для этого ядро надо толкнуть между двумя половинками «пушки». Оказавшись там, оно тотчас устремится к отрицательно заряженной пластине и залетит внутрь камеры-«пушки». Как только это произойдет, батарею отключают, и ядро, по инерции, продолжает двигаться по прямой линии.

Чтобы этого не произошло, и ядро двигалось бы по кругу, вверху и внизу камеры устанавливают концы большого магнита. В магнитном поле заряженные частицы всегда движутся по окружности. И если только ядро попытается сойти с нужного пути, невидимый «регулирующий» сделать это ему не позволит.

Когда ядро подлетает ко второй половине камеры, батарею снова включают. Только на этот раз отрицательный и положительный полюсы меняют местами. Ядро снова устремляется к отрицательно заряженной половине, продолжая лететь по кругу в том же направлении. И снова магнитное поле

заставляет его с невероятной скоростью мчаться по дуге.

Так повторяется больше миллиона раз в секунду. Ни один, даже самый опытный диспетчер, не сумеет за одну секунду столько раз переключить полюсы батареи. Поэтому переключение это делается автоматически.

За три секунды ядро успевает пролететь восемьсот тысяч километров — расстояние в два раза большее, чем от Земли до Луны. К концу своего пути ядро мчит уже со скоростью почти триста тысяч километров в секунду! Теперь можно бы и поставить на его пути мишень.

Мишенями для таких ядер-«снарядов» служат атомы. «Снаряд», развезет невероятную скорость, разнесет в пух и прах любую микроскопическую «мишень-атом». Но попадет ли он в нее?

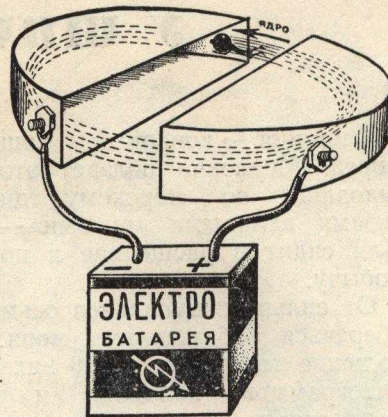
Что случится, если охотник выстрелит в маленького кулика не двумя десятками дробин, а всего одной? Дробь, конечно, сэкономит, но вот домой вернется наверняка без дичи, потому что поразить цель одной дробинкой почти невозможно.

Еще труднее в «мишень-атом» попасть «снарядом-ядром», несущимся с громадной скоростью. Поэтому из атомной «пушки» стреляют не одним, а целым потоком ядер. Мишенью служит не один атом, а множество, целый кусочек очищенного вещества. В каждом квадратном миллиметре такого кусочка находится миллиарды миллиардов атомов. Уж в какой-нибудь атом попадет одно из «ядер-снарядов»!

Если в пространстве, где с невероятной скоростью проносятся ядра, окажется воздух, «пушка»-ускоритель работать не будет. Ведь все «снаряды»-ядра вместо того, чтобы обстреливать мишень, раньше столкнутся с атомами воздуха.

Попробуйте быстро пробежать сквозь густую толпу людей, — вам придется резко замедлить движение, а то и вовсе остановиться. То же самое происходит и с ядрами: сталкиваясь с частицами воздуха, ядра могут потерять свою скорость и не долететь до мишени. Чтобы этого не случилось, воздух приходится откачивать из камеры ускорителя. И откачивать нужно очень тщательно, чтобы в камере почти не оставалось воздуха.

Но и это еще не все. Ведь прежде, чем «стрелять» ядрами, их надо изготовить, оторвать от атомов электроны, чтобы ос-

вободить ядра, а затем подтолкнуть их к камере ускорителя.

Поэтому ядерные «пушки» — самые сложные из всех существующих приборов. Они имеют очень большие размеры — просто гиганты!

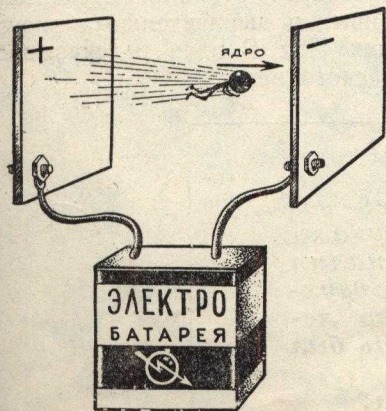
В нашей стране построена самая мощная в мире «пушка»-ускоритель. Она занимает площадь больше гектара, — целый стадион. Чтобы она «стреляла», нужно столько электроэнергии, сколько потребляет большой город. Для перевозки одного только магнита «пушки» понадобилось двадцать железнодорожных составов!

Для чего же строят такие великаны, что изучают с их помощью?

Не легко далось покорение атома. Тысячи лет ученые разных стран стремились проникнуть внутрь атомного ядра. Какой это был великий труд! Ведь без того, чтобы знать, из чего оно состоит, как устроено, куда лучше направить громадную силу, запрятанную в ядре, нельзя было получить атомной энергии. Однако, как ответить на все эти вопросы, не научившись раскалывать атомное ядро на части?

Помогли сделать все это атомные «пушки» — ускорители частиц. Они позволили «изготавливать» снаряды, способные дробить ядро. А это-то, в свою очередь, и дало возможность лучше изучить внутреннее строение ядра.

Изучать же устройство ядра очень важно. Ведь это дает людям возможность получать дешевую атомную энергию в неограниченном количестве. Для этого и строят у нас в стране такие большие «пушки»-ускорители. Они позволяют нашим ученым применять атомную энергию не для войны, а для благородного дела мира.

У ШКОЛЬНИКОВ КОРЕИ

На вклейке рисунки Пен Варлена

Осьминог — коварный хищник теплых морей. Медленно ползает это головоногое чудовище по морскому дну, опираясь своими длинными «руками» — щупальцами. Или сидит в расщелине и подкарауливает добычу.

От сильных щупальцев осьминога трудно уберечься обитателям моря. Случается, большие моллюски (а в них весу десятки килограммов) нападают и на человека. Горе пловцу, если он окажется безоружным в схватке с огромным морским хищником.

Но на берегу осьминог уже не страшен. Корейский школьник держит хищника в руках и смеется от удовольствия: осьминог совсем уже не похож на хищного разбойника. Его тело стало дряблым, могучие щупальцы беспомощно обвисли.

Корейские ребята всегда радуются, когда в рыбацких сетях окажется осьминог. Это лакомая находка. Его мясо нежное, вкусное: поешь его — и не хочется пить. В горячих цехах корейских заводов кусочек сушеного осьминога помогает рабочим утолить жажду.

В морях, омывающих берега Кореи, водится много рыбы. Встречается рыба холодных морей — сельдь, навага, кета, горбуша, попадаетеся и тепловодная — скумбрия, сайра, желтохвост, анчоус. Корейцы — искусные мореходы и опытные рыбаки. Из прибрежных корейских поселков, городов, рыбацких портов на промысел рыбы уходит далеко в море множество шхун рыболовецких артелей.

Возвращения рыбаков ожидают ребята. Кто поможет пришедшим с ловли выгрузить на берег рыбу, переправить ее на консервный завод, развесить сети для просушки?

Без ребят не обходится. В рыбном промысле они — первые помощники. Это и показано на цветном рисунке.

Корейский народ трудолюбив. Такими же растут и корейские дети. Школьники старших классов работают на рисовых полях, сажают деревья в парках, садах, на своих пришкольных участках. Помогали и помогают взрослым восстанавливать разрушенные во время войны здания и даже собственными силами построили школу в городе Пхеньяне. На этом строительстве работал всего один взрослый рабочий.

Корейцы любят музыку. Среди них много скрипачей, флейтистов, балалаечников, баянистов. При каждой школе обязательно есть музыкальный самодеятельный кружок. Немало школьников учится в музыкальных школах.

Корейская молодежь любит посещать берега реки Тэндонгана в дни народных празднеств.

В этом году 15 августа свободный корейский народ празднует десятилетие со дня освобождения Северной Кореи от власти японских захватчиков.

Долго не замолкнут веселые песни над водами Тэндонгана. И, конечно, выступят юные музыканты, певцы и танцоры...

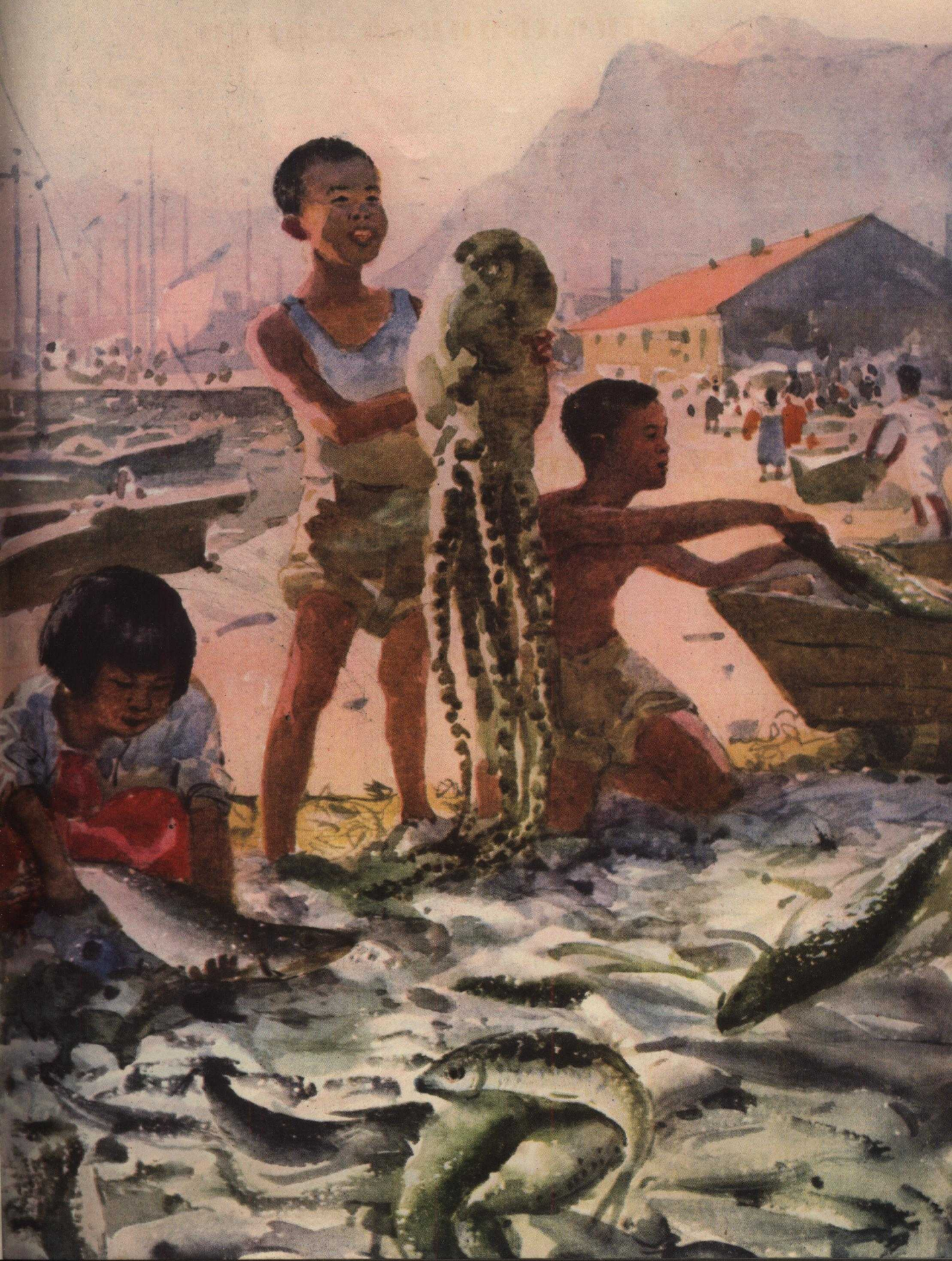
Посмотрите на другой рисунок. В выходной день на берегу реки Тэндонган школьники города Пхеньяна слушают выступление своих товарищей — скрипача и флейтиста. Когда музыканты закончат игру, слушатели хором споют свои любимые песни и, может быть, даже одну из тех песен, которые поют советские дети.

Художник Пен Варлен, кореец по национальности, сделал оба этих рисунка для «Костра». Он живет в Ленинграде, здесь окончил институт имени Репина Академии художеств, а теперь преподает студентам. В ярких красивых и выразительных рисунках и картинах Пен Варлен рассказывает о жизни корейского народа.

КАК ЭТО УДАЛОСЬ?

В лаборатории понадобилось забить гвоздь. Молотка под руками не оказалось. Тогда ученый налил в коробочку ртуть и в течение двух-трех минут сделал из жидкого металла твердый слиток. Гвоздь был забит.

Как это ему удалось сделать?

БУДУЩИМ ПЛОВЦАМ

*Рассказывает заслуженный мастер спорта
Клавдия Алешина*

Какой вид спорта самый лучший

Спросите спортсменов: какой вид спорта лучше?

Штангист ответит:

— Конечно, тяжелая атлетика. Вам и не сдвинуть с места ту тяжесть, которую я сначала поднимаю на грудь, а затем выкидаю и держу на вытянутых руках. Спорт там, где сила!

Бегун скажет:

— Легкая атлетика! Меньше, чем за три часа я пробегаю марафонскую дистанцию — 42 километра 195 метров, вам же на это понадобится дневной, а то и двухдневный переход. Спорт — это быстрота и выносливость.

Футболистов и спрашивать нечего. В вашем возрасте они готовы гонять мяч, пока он не лопнет.

Шахматист, обдумывая очередную комбинацию, заявит:

— На этих 64 полях вот уже несколько тысяч лет разыгрываются грозные битвы... Шахматы — это спорт гибкого ума, требующий громадной выдержки и большого физического напряжения!

Ну, а я выскажу свое мнение: самый лучший вид спорта — плавание.

И вот почему. Плавание всесторонне развивает человека, делает его здоровым и красивым, бодрым и закаленным. Пловец даже дышит лучше и глубже, чем обыкновенный человек. Средняя емкость легких у взрослого мужчины 3500 см³ (кубических сантиметров), а например, заслуженный мастер спорта Леонид Мешков выдыхает 6400 см³.

Моряк, путешественник, геолог, солдат обязаны уметь держаться на воде.

Писатель Алексей Николаевич Толстой так описал один подвиг, совершенный во время Великой Отечественной войны. «Летчица Никитинская летела из немецкого тыла с важным донесением. Подбили — приземлилась, начала пробираться пешком. По пути встретила нашего раненого летчика на подбитом самолете, сказала ему: «Ждите, товарищ, вернусь!» Дойдя до водного рубежа, привязала документы на голову, в одних трусах переплыла ледяную реку, явилась в нашу часть, передала документы, потребовала комбинезон и самолет, опять перелетела через фронт, втащила раненого летчика к себе на борт и доставила его в госпиталь».

Чудесный подвиг. Его удалось осуществить потому, что героиня умела плавать.

Вот еще случай — уже в мирное время. После сильного ливня небольшая речка на Кубани вышла из берегов. Когда семнадцатилетняя ученица колхоза «Путь Ильича» Людмила Свобода проснулась, вода уже проникла в жилье. Но не это испугало девушку, она услышала, что вдалеке заржали колхозные лошади. Они были заперты в сарае на другом берегу реки.

В темноте Людмила бросилась в холодную воду. Течение стало относить девушку за сарай. Она вышла из воды и побежала по берегу, хотя судороги мучительно сводили ноги и руки. Людмила пробралась к сараю и выпустила лошадей, кото-

рым вода уже подбиралась под брюхо. Животные были спасены.

Героиню чествовал весь колхоз. Президиум Верховного Совета СССР отметил ее подвиг медалью «За трудовое отличие».

И снова тот же вопрос: а если бы Людмила не умела плавать?

Когда надо учиться плавать

Плавать надо учить всех поголовно ребят так, как учат ходить. Через мои руки прошли тысячи ребят, и я не помню случая, когда кто-нибудь, действительно стремившийся научиться плавать, не сумел бы в конце концов проплыть 25 метров — расстояние от одного до другого края бассейна.

Даже человек с физическими недостатками может плавать и участвовать в соревнованиях. Спортсмен Фокин, которому ампутировали ногу, выступал как участник Среднеазиатской спартакиады и занял второе место на своей дистанции.

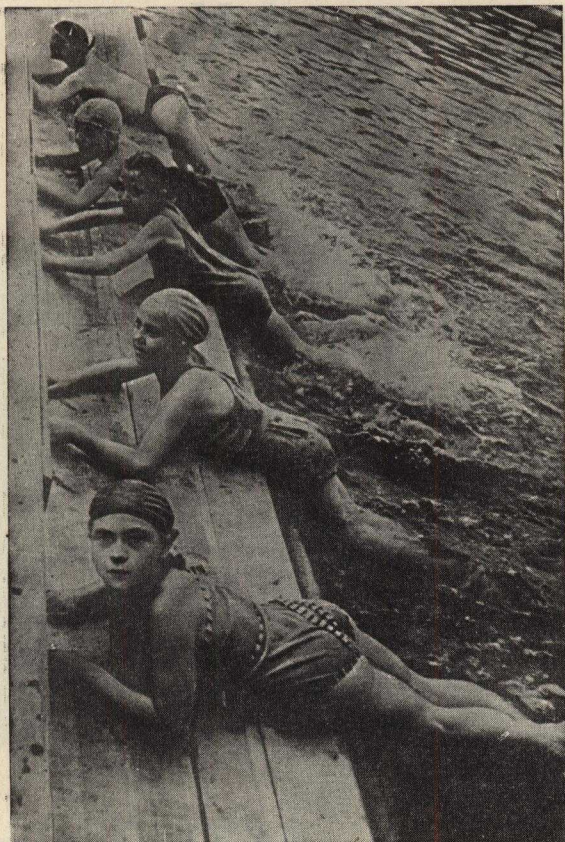
Леонид Мешков, о котором я уже говорила, возвращаясь из разведки, нес на себе тяжело раненого товарища. У самого берега Луги ранило и Мешкова, — пуля пробила лопатку и плечевой сустав. Больная рука повисла плетью. Обхватив здоровой рукой товарища, Мешков вошел в воду и, работая одними ногами, переплыл широкую в этом месте Лугу. Так были спасены двое: сам Мешков и его друг.

В 1925 году знаменитый русский ученый академик Иван Петрович Павлов писал, что он недоволен летним отдыхом: «Не было компании для городков, а велосипеда так себе здесь и не нашел... И, наконец, купанья всё время остаются теплые, что мне совершенно неинтересно и непонятно...»

Когда писались эти строки, Ивану Петровичу было 76 лет. До последних дней своей жизни он в любую погоду регулярно купался в озере у Колтушей. И любил именно холодную воду. Он был закален.

Что же говорить о людях со здоровыми руками и ногами, хорошим сердцем, которые в вашем возрасте боятся войти в воду? Учиться плаванью можно с 5—6 лет. Каждый десятилетний пионер должен уметь держаться на воде. Спортивное мастерство может прийти к пловцу в очень раннем возрасте.

Мы, пловцы, к сожалению, еще не показали больших достижений международного класса. Почему? Одна из самых главных причин — наши спортсмены поздно начинают заниматься плаванием. Успехи пловцов Японии, Австралии, Голландии обязаны массовому развитию детского плавания. В состав Олимпийской команды Австралии входит Джон Кондрас — ему всего тринадцать лет. Средний возраст членов австралийской женской команды, отобранной для тренировки к Олимпийским играм — пятнадцать с половиной лет; юные голландки Мэри Кок и Кики Гастелаарс — пловцы мирового класса, на их счету немало замечатель-

ных рекордов. В Японии все дети мечтают плавать так, как плавают чемпион мира Фурухаси, прозванный «летающей рыбой».

Стать пловцом в раннем возрасте мы призывает ребятам в интересах советского спорта. Не все, конечно, будут мастерами, а тем более мастерами международного класса. Но чем больше среди ребят окажется хороших пловцов, тем скорее придут крупные успехи и в этом виде спорта.

Умение держаться на воде и стиль плавания

Я начала учиться плавать с семи лет. Мои родители и бабушка Марина работали на придельно-ткацкой фабрике около Охтенского моста в Ленинграде. Летом, вместе с другими фабричными ребятами, я проводила время на Неве. Держаться на воде меня научила бабушка. Она и была моим первым «тренером».

Впервые я попала в бассейн только четырнадцати лет. Тогда я уже занималась гимнастикой и легкой атлетикой, играла в волейбол. Когда же стали составлять команду текстильщиков для игры в водное поло, вспомнили обо мне. Тут заслуженный мастер спорта Александр Михайлович Шумин оценил мои спортивные качества. Но сразу же и огорчил, сказав, что я «не умею плавать». Ведь быть спортсменом-пловцом и уметь держаться на воде хотя бы очень долго, это совсем не одно и то же.

Приведу простой пример. Поставьте на стартовые тумбочки трех человек: одного, умеющего держаться на воде, другого, уже научившегося правильно плавать, и третьего — мастера спорта. Пусть они плывут до тех пор, пока слабейший не преодолеет стометровую дистанцию. За это время второй пловец проплывет 200 метров, а мастер спорта — 300 метров. Вот как велика разница!

Как овладеть спортивным мастерством

Научиться плавать так, как второй пловец, может каждый и притом не когда-нибудь, а в вашем возрасте. Спортивная практика выработала много стилей плавания. Наиболее распространенный и быстрый стиль, так называемый, «кроль» — руки попеременно выносятся вперед, вытянутые ноги быстро и резко разрезают воду, лицо опущено в воду, и только для дыхания пловец поворачивает голову на бок. Отличные пловцы преодолевают кролем стометровую дистанцию меньше чем за одну минуту. Этим способом можно плыть и сверхдальние дистанции — 20—30 и более километров. Второй известный способ плавания, так называемый «брасс», копирует движения лягушки в воде. Скорость его несколько меньше, но дышится удобнее и свободнее.

Наконец, третий применяемый способ — это плавание на спине. Полезно уметь плавать и на боку, это важно при спасении утопающих, при переправах с поклажей и в других подобных случаях.

Главное, воспитывать юных пловцов надо как можно раньше. Тогда выработаются естественные движения. Хороший спортсмен должен овладеть всеми основными стилями плавания и уметь плавать и короткие и длинные дистанции — от 50 метров до 1500 метров.

Так Александр Михайлович Шумин готовил и меня. В 1928 году он привел меня к первому рекорду. Именно этот метод помог мне в течение многих лет улучшать рекорды и в 1941 году поставить свой 198-й всесоюзный рекорд в плавании.

Так же поучительна история моего ученика Виталия Сорокина.

Когда мы познакомились, Виталий учился в 7 классе. Тогда он проплыл в бассейне сто метров вольным стилем за 2 минуты 14 секунд — это очень скверное время, даже для подростка.

Этого живого, упрямого и баловного парнишку следовало бы отчислить из бассейна как недисциплинированного. Редко, когда урок проходил для него благополучно: то надо было удалять его из воды, то сам он норовил сбежать под душ.

Я требовала от него работы — постоянной, настойчивой, изо дня в день. Он еще не понимал прелести настойчивого труда. И однажды заявил:

— Не хочу плавать, хочу с трамплина прыгать, с вышки.

Его перевели в группу прыгунов. Там он пробыл всего месяц и, вернувшись, не смотря мне в глаза, сказал:

— Напрыгался... Теперь буду слушаться, а то выгоняйте.

Что поделаешь с этим мальчишкой? Ведь ему свойственны быстрота движений и особое «чувство воды», о котором я уже говорила. И мы нашли общий язык: стали работать дружно, упорно.

В 1951 году, участвуя в юношеском первенстве города, он остался где-то далеко позади, хотя на 100 метров показал время 1 минуту 30 секунд. В следующем году Виталий добился уже результата второго разряда. В 1954 году, выступая в Китае в составе молодежной спортивной делегации, он побил рекорд своего соотечественника — мастера спорта Эдаса, показав время 59,9 секунды. Можно сказать: меньше минуты только на одну десятую секунды. Но эта десятая доля была важнее, чем десятки секунд, сброшенные до этого.

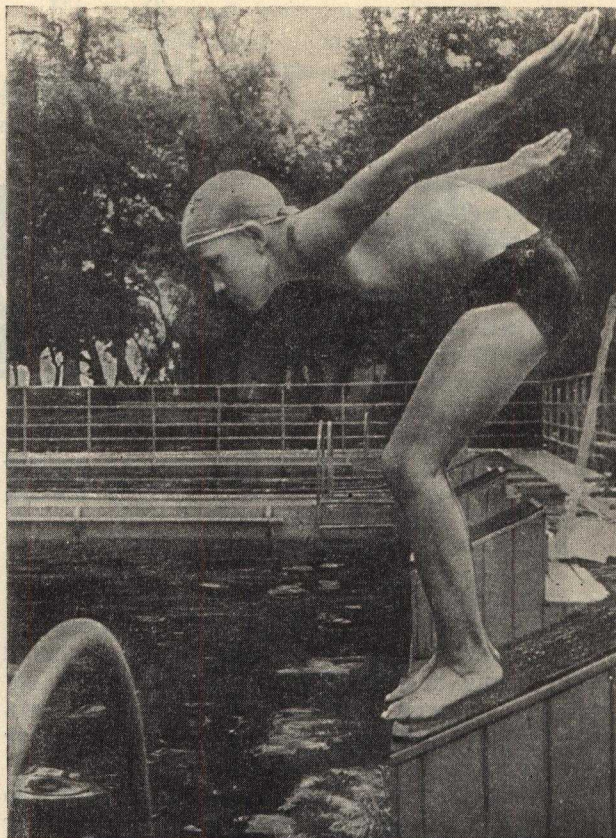
Теперь уже многие видели, что Виталий может стать выдающимся пловцом. Его мощный гребок, отличная координация движений — плыл ли он кролем, «батерфляем» или на спине, — стремление к победе и умение не унывать при поражении — всё это говорило не только о настоящем, но и о будущем.

Год спустя в Ленинграде проходили интересные соревнования в заплыве на спине на 200 метров. Здесь Виталий Сорокин опередил других пловцов. Он поставил новый рекорд Советского Союза.

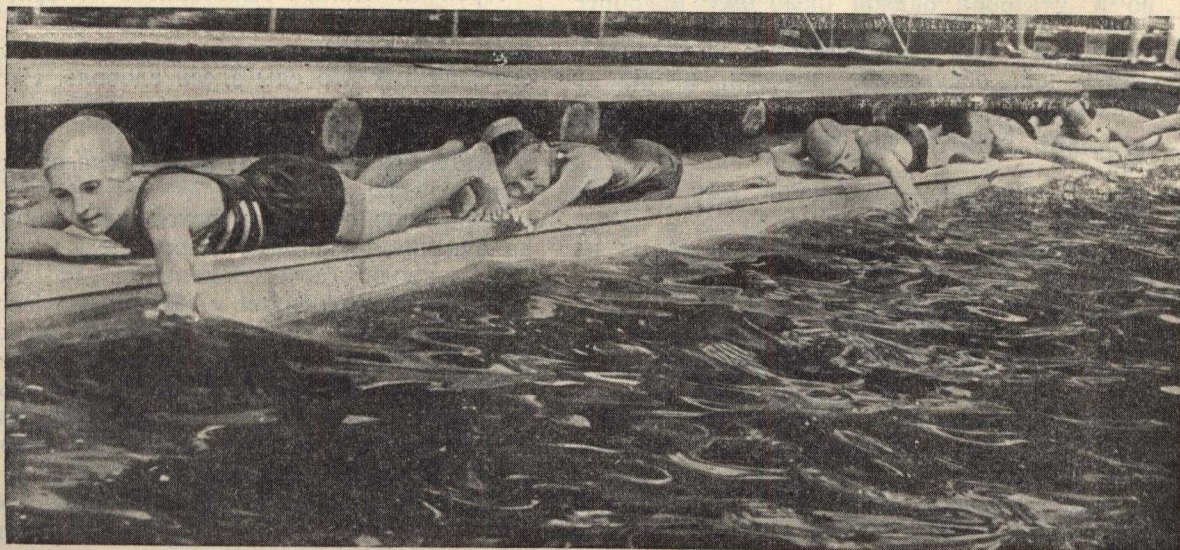
В мае 1956 года, уже мастер спорта, В. Сорокин выступил в ленинградском зимнем бассейне «Динамо». Сильно, ровно, как на тренировке, он с великолепной скоростью проплыл вольным стилем 400 метров. Время 4 минуты 34 секунды сразу же поставило советского спортсмена в ряды выдающихся международных пловцов. Меньше, чем за неделю, он поставил рекорды на 100 метров в 56,2 секунды и на 200 метров — 2 минуты 5,4 секунды, но это был результат, по крайней мере, пятилетнего настойчивого труда.

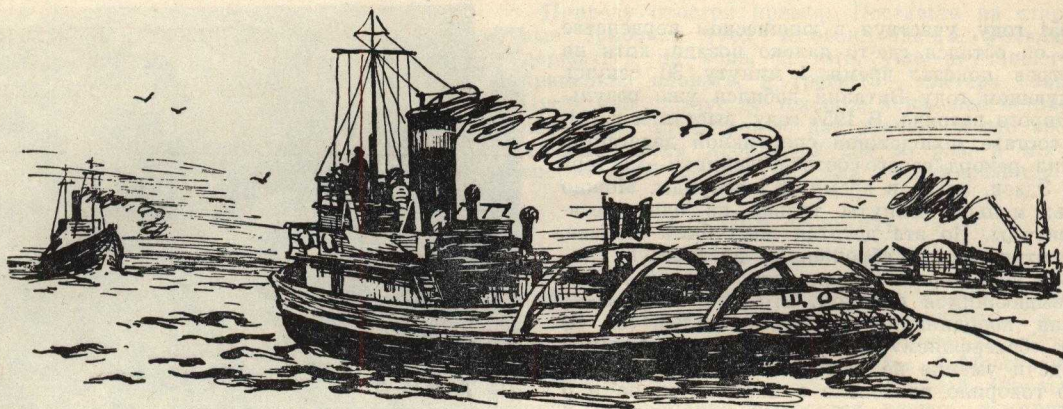
Когда-то один мой ученик, увлекающийся математикой, спросил: какое расстояние я проплыла с тех пор, как начала плавать? Я ответила: «Вот сейчас войду в воду и поплыву шестой раз вокруг Европы». И это не шутка. Считайте, только до 1941 года, когда был установлен мой последний 198-й рекорд, я каждый день в течение четверти века проплывала не меньше четырех километров. В году у меня было триста таких плавательных дней. Вот задача для четвертого класса, не забудьте только, что и после 1941 года пришлось тоже немало проплыть.

Тот же мальчик высчитал, что за свою жизнь я провела в воде больше двух лет.

Слова великого русского физиолога Ивана Петровича Павлова: «С детства для меня вода, река, купанье, плавание — это всё», — я могу только повторить. Вода дала мне большую и интересную жизнь, позволила приумножить славу советского спорта, а теперь на воде я воспитываю смену — будущих мастеров международного класса.

ВОРОБЬИНЫЕ ШЕФЫ

Александр Пущенков

Рисунки В. Куприянова

Алексей Иванович Кочнин служил капитаном на буксирном пароходе «Щорс».

У буксиров хлопот много. То маленький труженик спешит помочь пароходу, как говорят моряки, отшвартоваться — пристать к берегу, то буксирует баржу, то перевозит рабочих в дальний угол порта.

Трудная работа у буксирщиков, особенно при сильном ветре. Смотришь иногда: тянет буксир посредине морского канала тяжеленную баржу, а злобный ветер отбрасывает его в сторону, на мель. Только попади туда — глядишь, перевернет буксир.

Но команда у Алексея Ивановича подобралась опытная, работающая.

Матрос дядя Саша Костюничев, например, плавал уже тридцатый год. Какую работу ни поручи ему — выполнит. Только дядя Саша немножко хмурый, мало разговорчивый. Вот соберутся все в столовой, пьют чай, обсуждают новости, играют в шахматы, а дяди Саши нет.

— Где Костюничев? — спрашивает капитан.

— В кубрике, — отвечают ему, — новое парусиновое ведро шьет.

Не любил дядя Саша тратить время на пустяки.

А вот матрос Агаськин, чем бы ни занимался, — непременно пел. Будто и не совсем серьезный матрос. Впрочем, зачем Агаськину серьезность? Какие у него заботы? Никаких. Молодой, летом он работает на буксире, зимой учится в музыкальном училище, и всё «на отлично».

Сам Алексей Иванович Кочнин считался капитаном строгим. Как же иначе? Морская

дисциплина, она особая. Ведь моряков постоянно подстерегают опасности.

Был на буксире еще один «член экипажа» с именем просто-напросто неприличным — Негодяй. Большой рыжий кот. Все его любили, главным образом, за смелый характер. Не отступал ни перед одной собакой. И самое удивительное — в своих кладовых не воровал, но на чужие — делал набеги.

Однажды произошла такая история. Приказали «Щорсу» идти в Барочный бассейн, забрать там старенький пароход «Абакан» и отбуксировать его к судоремонтному заводу.

Очень хорошо. Машина буксира заработала, и «Щорс» направился к «Абакану».

Проходя мимо высоченного элеватора, капитан дал гудок и вспугнул тучу воробьев. Их всегда возле элеватора множество, потому что еды здесь вдоволь. Рассыпается зерно, когда его перегружают из вагонов в элеватор.

Буксирщики работали, как всегда, слаженно, четко.

Через час старый пароход уже тащился на буксире за кормой «Щорса».

До завода было недалеко, так что к ужину управились с «Абаканом»; поставили пароход у заводского причала. «Щорс» остался рядом, чтобы произвести небольшой ремонт собственной машины.

Хорошо после трудной работы прийти в столовую и съесть полную тарелку горячей рисовой каши с мясом и морковью, а потом выпить душистого-предушистого чая. Два стакана.

Капитан поужинал и перебрался в свою каюту. Хотелось ему прилечь, отдохнуть, но полагалось записать в «Судовой журнал» всё, что сделано за день. Этим Алексей Иванович и занялся. В дверь постучали.

— Войдите, — пригласил капитан.

Вошли двое: дядя Саша Костюничев и Агаськин. Оба озабоченные.

— В чем дело? — спросил Алексей Иванович.

Матросы переглянулись, будто спрашивая один у другого, кому начинать. Заговорил Костюничев:

— Воробьев мы из Барочного бассейна увезли.

— Каких воробьев? — не понял капитан.

Дядя Саша смотрел себе под ноги.

— Птенчиков.

Капитан нахмурился:

— При чем тут воробьи?

Тогда заговорил Агаськин:

— Понимаете, Алексей Иванович, я полез на мачту «Абакана», долез до площадки, и там в закутке — воробьиное гнездо, четыре маленьких воробышка.

— Агаськин, — рассердился Алексей Иванович, — у меня отчеты. Я не могу отвлекаться.

Дядя Саша не унимался:

— Мы же увезли их от родителей.

Капитану не хотелось обижать матросов из-за каких-то воробышек, и он постарался объяснить мягче.

— Товарищи, посудите сами: воробьев много, к тому же воробей — птица бесполезная. Вы знаете, как они разоряют огороды?

— Они же помрут, — твердил Костюничев.

Видно, матросы были обеспокоены по настоящему.

— Ладно, — буркнул Алексей Иванович и отложил отчет, — идемте, поглядим на ваших подшефных воробьев.

Все трое поднялись на капитанский мостик. Агаськин показал:

— Вон там.

— Послушайте, Агаськин, — обратился к нему капитан, — может быть воробьи-родители всё-таки прилетали сюда?

— Нет, не прилетали, — грустно сказал Агаськин, — я долго наблюдал. Не чирикают.

— Ладно, — решил вдруг капитан, — придется слазить мне самому, — и, неизвестно зачем, строго добавил, — смотрите!

По веревочной лестнице он взобрался на палубу «Абакана». Затем по маленьким железным ступенькам проворно поднялся на мачту.

И верно, в гнезде сидели четыре воробышка. Хотя и темно было в закутке, однако Алексей Иванович хорошо разглядел желтеньких, большеротых и пучеглазых птенцов. Они непрестанно раскрывали рты, словно им не хватало воздуха. Ах вы, воробы-воробышки. Несчастные!..

Алексей Иванович не спеша спустился вниз. На палубе его ждали Костюничев, Агаськин и повариха. Здесь же крутился Негодяй.

В глазах каждого капитан прочел вопрос: «Что делать?» Только Негодяй, задрав хвост трубой, нахально оглядывал всех, словно хотел сказать: «Уж я-то знаю, что надо делать».

Алексей Иванович приказал коротко:

— Полезайте на мачту и осторожно снимите оттуда гнездо.

Костюничев обернулся, сияя от радости.

— А куда их устроить?

— В кубрике, — посоветовал капитан.

— Что вы, Алексей Иванович! Накурено у нас.

— В рулевой рубке.

Но и это предложение не годилось.

— Нельзя, Алексей Иванович, — замотал головой Костюничев, — Негодяй-то запросто проберется туда и съест воробышек.

— Фу-ты, — капитан уже начал сердиться, — куда ж их?

— Разрешите к вам? — робко попросил дядя Саша.

— Что?.. — удивился Алексей Иванович. Впрочем уже было поздно работать, и он согласился. — Тащите.

Не прошло и пяти минут, как матрос Костюничев принес воробьиное гнездо в каюту. Капитан уже укладывался спать.

— Пристройте их на полке, — приказал капитан.

Дядя Саша не трогался с места; он огляделся и сказал:

— Вдруг они упадут оттуда? Можно на ваш стол, Алексей Иванович?

Капитан совсем рассердился. Он ткнулся лицом в подушку и проворчал:

— У меня там деловые бумаги. Отодвиньте их в сторону.

— Есть! — воскликнул дядя Саша.

Матрос долго шуршал бумагами, вполголоса разговаривал то ли сам с собой, то ли с птенцами и, наконец, тихо, на цыпочках, вышел из каюты.

Алексей Иванович не мог уснуть. Он долго прислушивался, как в порту перекликались на своем «паровозном» языке локомотивы.

Но вот послышался легкий писк совсем рядом. — Воробышки! Капитан встал и подошел к столу. Он улыбнулся, увидев, как заботливо дядя Саша пристроил гнездо в тепле под электрической лампой. Рядом лежали обескрыленные мухи.

• Все четыре птенца, вытянув тонкие шеи, широко раскрытыми клювами хватили воздух и слабенко пищали, почти шипели. Не горячо ли им от лампы? Капитан подержал ладонь рядом с гнездом. Нет, не горячо. Приятно, тепло. Значит, воробы требовали еды.

Алексей Иванович задернул занавески, чтобы кто-нибудь не увидел, какими пустяками занимается настоящий капитан настоящего буксира. Затем принялся кормить птенцов мухами — по одной, по очереди.

Вдруг Алексей Иванович отчетливо услышал тонкий писк. Комар! Разве это не лакомство для воробьев? Поймать его!

В свете лампы сверкнула точка. Комар полетел к двери. Капитан — за ним. Алексей Иванович сложил ладонь ковшиком и... Ой!.. Он больно-пребольно ударился локтем об умывальник...

Утром капитан прежде всего увидел открытую дверь. На полу валялось несколько соломинок. Где воробы? Их не было. Даже гнездо исчезло со стола.

Алексей Иванович поспешил на палубу и первым повстречал Негодяя. Кот наглыми глазами смотрел на капитана, размахивал хвостом и облизывался. Из-за надстройки показался Агаськин. Матрос протирал палубу шваброй и громко пел.

Капитан чуть не поддал Негодяя ногой. Но разве кот виноват? Он же несознательный. Попались воробы — съел. Вкусно!

— Агаськин! — позвал Алексей Иванович.

Матрос подошел.

Капитан укоризненно покачал головой:

— Эх вы, воробынные шефы! Прозевали?

— Что прозевали? — удивился Агаськин.

— Негодяй съел воробышек! — сердито выпалил капитан.

Агаськин рассмеялся.

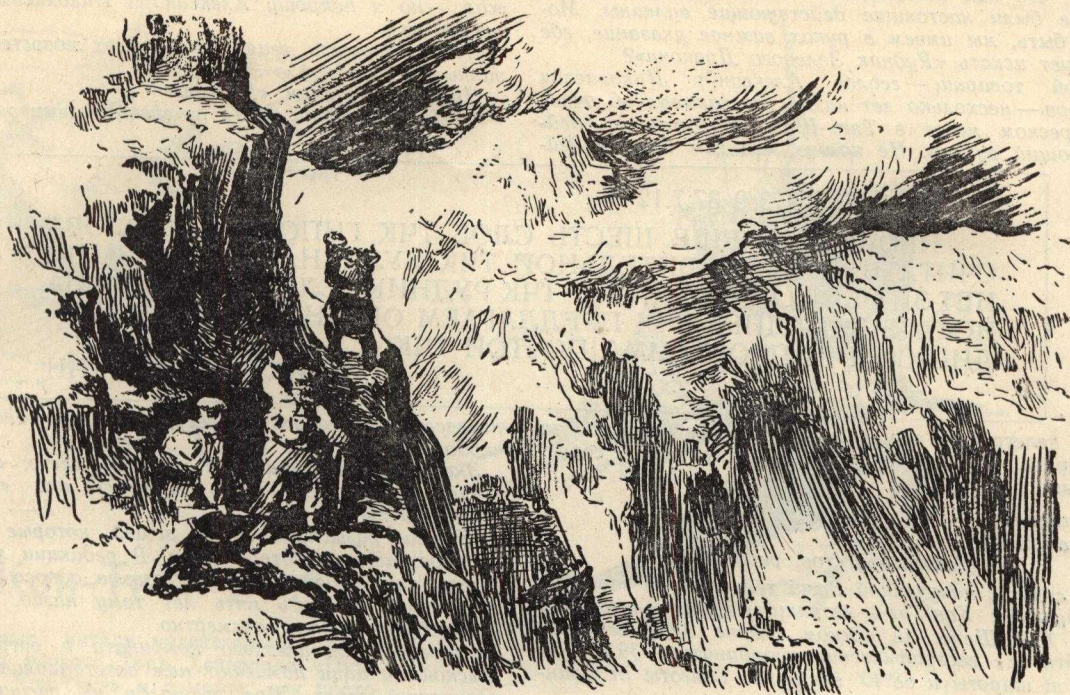
— Нет, Алексей Иванович, не клевете. Вы очень крепко спали, и нам не хотелось тревожить вас. Понимаете, как всё случилось, — я разыскал на берегу несколько воробыньих гнезд. Ну, мы и рассадили наших воробышек по тем гнездам. Теперь не пропадут — вырастут вместе с новыми братишками и сестренками.

— Фу! — на душе у капитана стало легко-легко. Экие молодцы-парни! Алексей Иванович улыбнулся и пошел в машинное отделение узнать, как идет ремонт.

Весело пел Агаськин. В кухне бойко стучала ножами повариха. По ту сторону канала в порту перекликались паровозы. Светило солнышко.

Вот и вся история.

Загадка рудника Зеленого Дракона

Всем! Всем! Всем!

Найденный документ представляет исключительный интерес!

Новая телеграмма из Эмска. Вулкана в Тянь-Шане нет. Рудник Зеленого Дракона находился к западу от горы Кан-Таг.

Всем! Всем! Всем!

Сообщите редакции «Костра» всё, что вам известно об окрестностях Кан-Тага.

В редакцию поступает множество писем и телеграмм. Пишут ученые и колхозники, геологи и школьники, специалисты и любители различных наук. Всех заинтересовал загадочный документ, найденный в Эмске:

Печатаем наиболее интересные корреспонденции:

Ленинград,
20 июля 1956 г.

Находка Андрюши Фролова и Вани Канюкова представляет, с моей точки зрения, огромный интерес. Ребята показали себя вдумчивыми исследователями, не оставившими без внимания даже такие, казалось бы, мелочи, как куски бумаги в которые были завернуты найденные минералы. Прошу сообщить мне адрес Андрея и Вани. Я напишу им, чтобы они обязательно продолжали свои поиски и попытались выяснить, какой геолог привез коллекцию в Эмск, какова его дальнейшая судьба и где была собрана коллекция минералов.

Ваня Канюков пишет, что в коллекции есть горный хрусталь, свинцовый блеск, слюда. Эти ценные

полезные ископаемые могли быть найдены на месторождениях, о которых мы еще ничего не знаем.

К сожалению Ваня не написал, были ли какие-либо этикетки при остальных образцах. Надеюсь, что он и его приятель глубокий теоретик Андрюша Фролов, пострадавший во имя науки, в следующем письме напишут поподробнее об остальных образцах минералов.

Теперь о самом главном. Почти стершиеся слова «Рудник Зеленого Дракона» представляют весьма важными. «Рудник Зеленого Дракона» — это легендарные копи. Он упоминается во многих узбекских и таджикских легендах. В древности на этом руднике добывали много золота и какого-то таинственного белого металла, обладавшего удивительнейшими свойствами.

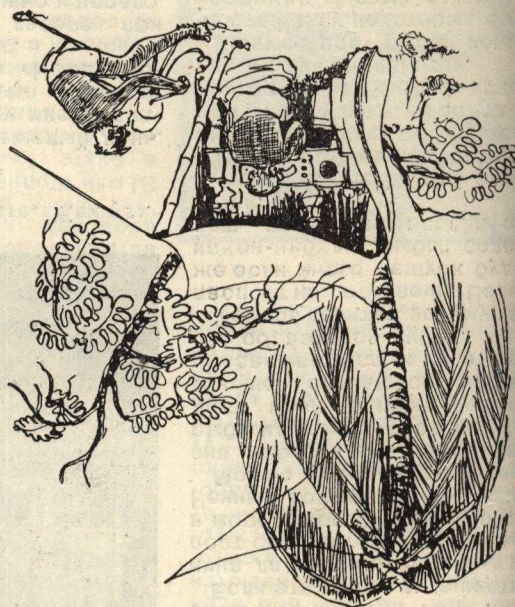
Золото из этого рудника как будто бы вывозили даже в Египет в эпоху Среднего царства. До сих пор никто не знает, где был рудник: в Тянь-Шане, на Памире или в Гиндукуше?

Может быть, неизвестный геолог напал на след этого рудника? Может быть «Рудник Зеленого Дракона» находится где-то в Тянь-Шане, вблизи от горы, похожей на вулкан? Я пишу «похожей», по-

Продолжение. Начало в № 1

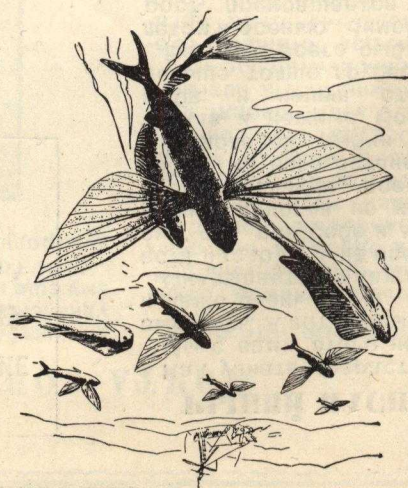
В числе шести дерзких смельчаков, рискнувших во имя науки спуститься по волнам океана на плоту под напором от берегов Липу к острову Полиннези, Эрик Хессельберг был и штурманом и художником. В свободное от вахта время он рисовал и своих товарищей за работой.

Если же вы не видели этой книги, то обязательно прочтите ее — она написана в журнале «Юность» 1955 г. № 2—5 и вышла отдельной книгой в 1955 г. в издательстве «Молодая Гвардия».

Вы, конечно, читали увлекательную книгу норвежского ученого Тора Хейердала «Путешествие на Кон-Тики» и помните, как произошло это удивительное плавание на плоту по

«Кон-Тики и я»

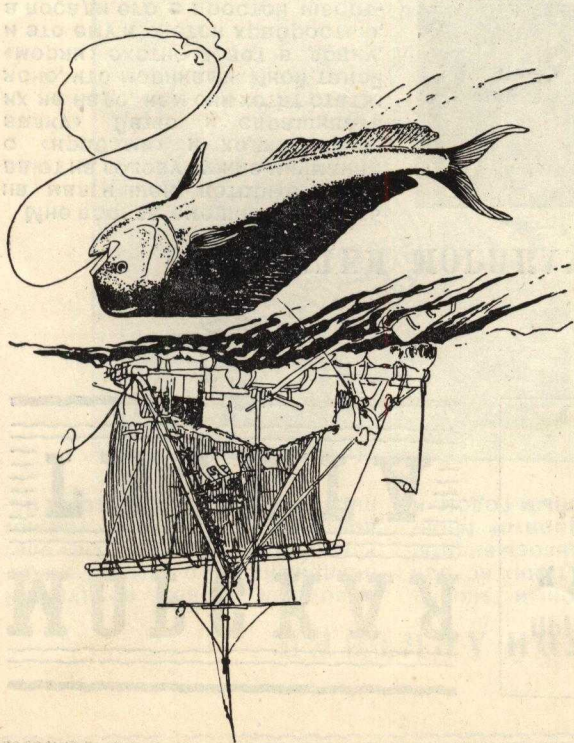
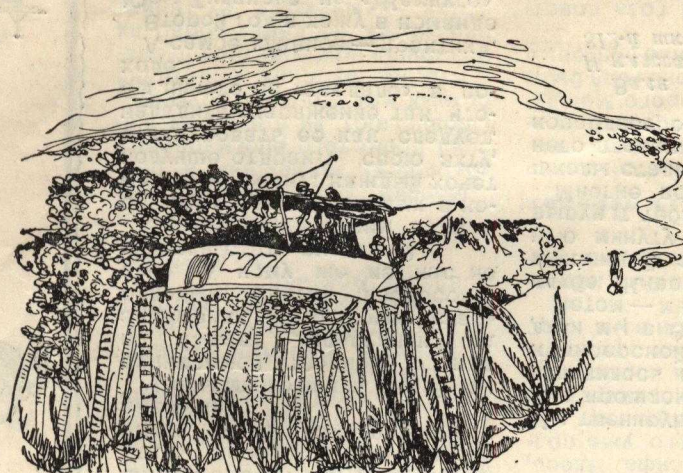

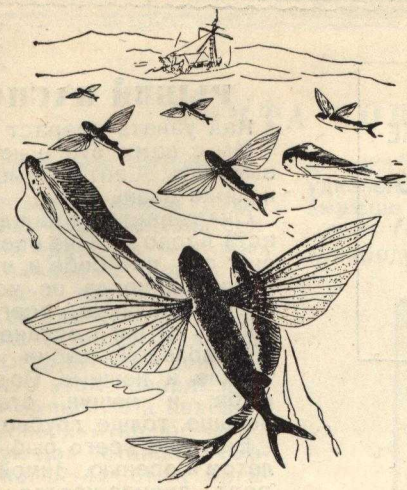
Позже свои зарисовки Хессельберг дополнил рассказом о плавании и издал в виде небольшой книги, которую назвал «Кон-Тики и я».

Позже свои зарисовки Хессельберг дополнил рассказом о плавании и издал в виде небольшой книги, которую назвал «Кон-Тики и я».

Скоро эта интересная книга — «отчет» в забавных рисунках выйдет на русском языке в издательстве Детской литературы.

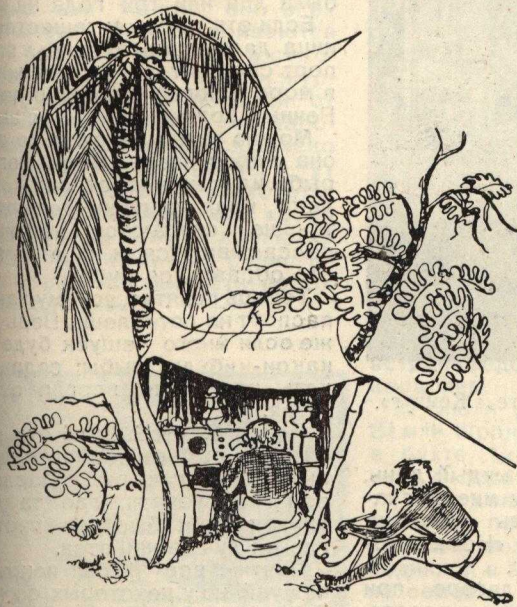
Здесь помещены четыре веселые зарисовки от автора штурмана.

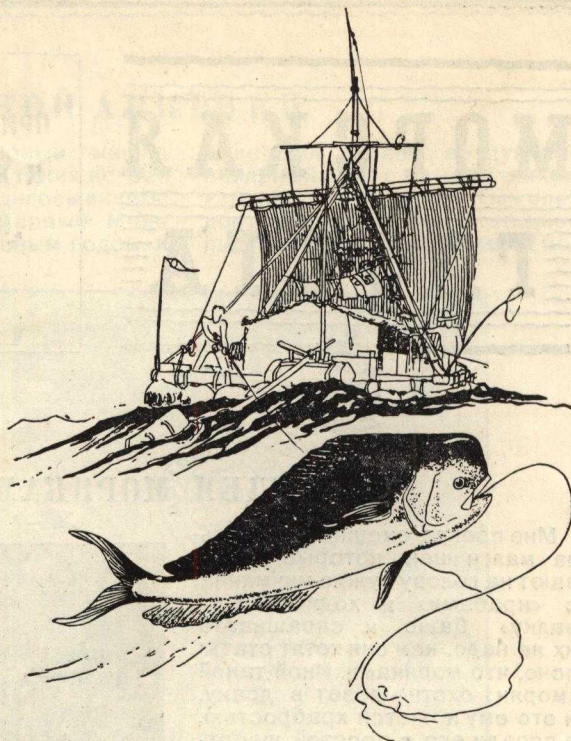
„Кон-Тики и я“

Вы, конечно, читали увлекательную книгу норвежского ученого Тора Хейердала «Путешествие на Кон-Тики» и помните, как проходило это удивительное плавание на плоту по

Тихому океану. Если же вы не видели этой книги, то обязательно прочтите ее — она напечатана в журнале «Юность» 1955 г. № 2—5 и вышла отдельной книгой в 1955 г. в издательстве «Молодая Гвардия».

В числе шести дерзких смельчаков, рискнувших во имя науки пуститься по волнам океана на плоту под парусом от берегов Перу к островам Полинезии, Эрик Хессельберг был и штурманом и художником. В свободное от вахт время он рисовал и своих товарищей за рабо-

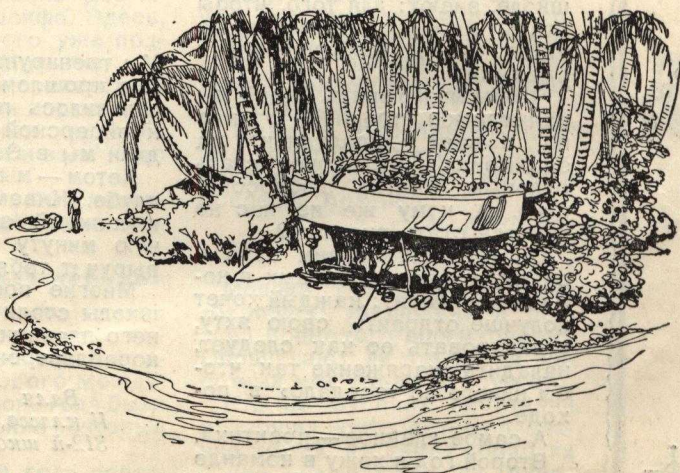

той, и часы отдыха на плоту, и встречавшихся рыб, и птиц, которые проносились над плотом, и атоллы, и лагуны, и природу, и жителей Полинезии.

Позже свои зарисовки Хессельберг дополнил рассказом о плавании и издал в виде небольшой книги, которую назвал «Кон-Тики и я».

Скоро эта интересная книга — «отчет» в забавных рисунках выйдет на русском языке в издательстве Детской литературы.

Здесь помещены четыре веселые зарисовки отважного штурмана.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

МЫ БУДЕМ МОРЯКАМИ

Мне всегда смешно смотреть на мальчишек, которые надевают на голову чужие мичманки с «крабами» и ходят «вразвалку». Даже и спрашивать их не надо, кем они хотят стать: ясно, что моряками. Иной такой «моряк» охотно лезет в драку, и это ему к жется храбростью, а посади его в простой швертбот, — небось, уцепится за борта и будет дрожать. А между тем среди пионеров есть настоящие моряки.

В Ленинграде на Петровской косе находится яхтклуб, а при нем детская спортивная школа.

Приходят в клуб ученики 5—6 классов. А когда они кончают десятый класс средней школы, то это уже настоящие мореходы, которые изучили навигацию, имеют права рулевых I и II классов или звание матросов.

Все ребята, кто занимается в детской водно-спортивной школе, знают: для того, чтобы стать моряками, надо много уметь, быть находчивыми и смелыми.

Чтобы много знать, зимой мы занимаемся теорией. У нас не бывает «шпаргалок» на экзаменах, — кто хочет стать рулевым, учится добросовестно. А кому же из нас не хочется стать рулевым?

Весной мы готовим суда к спуску на воду. Ленивых в команде не любят; каждый хочет получше отдраить свою яхту, отлакировать ее как следует, наладить снаряжение так, чтобы ничего не «заедало» в походе.

А самое главное — практика. Второй год я хожу в команде Юры Тулякова на «Жемчуге».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

„КОСТЕР“

№ 2

Валя Иванов на яхте «Жемчуг».

Мы тренируемся каждый день. А в прошлом году мне посчастливилось плавать даже на крейсерской яхте «Нева». Ходили мы в Выборг.

Летом — мы в лагере при клубе. Живем дружно и весело, и каждый знает, что в трудную минуту в море товарищ выручит тебя.

Многие воспитанники нашей школы стали капитанами дальнего плавания, океанологами и кораблестроителями.

Валя Иванов, рулевой
II класса, ученик 7-го класса
312-й школы г. Ленинграда.

РЫБИЙ ПАСПОРТ

Как узнать возраст рыбы? Мы с вами этого не сумеем выяснить. А вот ученые узнают и даже очень точно.

Оказывается, у каждой рыбы есть паспорт. Она всегда «носит» его при себе и, что очень важно, никогда не может потерять целиком, всегда что-нибудь от него останется!

У молодой рыбки чешуйки тонкие и нежные. Подрастает рыба, и чешуя становится больше, толще, грубее.

Быстрее всего рыбы растут летом и осенью. Зимой обычный рост прекращается. В это время и образуется на чешуе узкое темное кольцо.

По числу годовых колец, по их ширине и по изломам чешуйки, можно узнать не только возраст рыбы. Этот своеобразный паспорт расскажет и о прошлом его хозяйки: когда ей жилось сытно, когда голодно. Даже какого роста она была два или три года назад.

Если эта рыба «путешественница дальнего плаванья», паспорт сообщит, когда она жила в море и когда попала в реку. Речные кольца уже морских.

Можно узнать, и сколько раз она нерестилась. Ведь, когда рыбы идут на нерест, они голодают, края чешуйки делаются тоньше, стираются, частично рассасываются, и на этом месте образуется рубец.

Теперь понятно, почему такой паспорт не потеряешь. Ведь даже если много чешуек будет у какой-нибудь рыбы содрано, хоть несколько всегда останется.

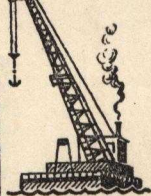
Конечно, чтобы всё это видеть в рыбьем паспорте, надо знать биологию рыб. Паспорт помогает узнать, где та или другая рыба быстрее растет, где ей лучше живется.

Почти все рыбы покрыты чешуей, но у некоторых ее нет, например, у сома, вьюна. Как же быть с такими «беспаспортными»?

Ихтиологи и тут придумали, что делать. Они научились определять возраст рыб не только по чешуе, но и по костям. У многих чешуйчатых рыб в костях возраст определяется даже точнее, чем по чешуе.

Вот как ученые узнают «биографию» рыб.

К. Меркулева

ПОЧТА СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ

С „Северного полюса“

Это письмо прибыло обычным путем, его доставил почтальон. На одной из почтовых марок — панорама советской дрейфующей научно-исследовательской станции в Арктике с парящим в воздухе вертолетом. Откуда же прибыло письмо? Об этом говорят почтовые штемпеля. На них значится: «Северный полюс-4».

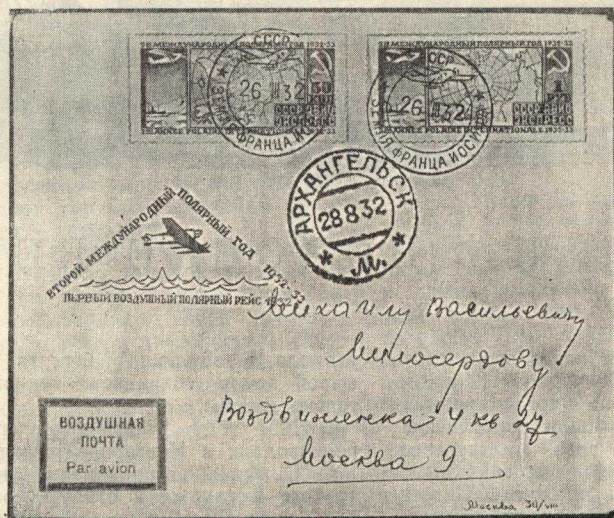
Дрейфующая станция «Северный полюс-4» была организована весной 1954 года. В 1955 году в далеком Заполярье появилась станция «Северный полюс-5», а в апреле нынешнего года на советском самоете в Арктику прибыла еще одна группа зимовщиков, которая обновила научную станцию «Северный полюс-6». Среди ледов полярники не чувствуют себя одинокими. По радио они узнают обо всех событиях, переговариваются с любимыми городами, а самолеты доставляют газеты, журналы, письма и посылки от родных и друзей. Но аэродромы часто находятся далеко от дрейфующих станций, и тут на помощь приходят вертолеты.

Почта полярников всё время растёт, и на каждой дрейфующей станции один из радистов выполняет обязанности почтового работника.

дирижабль. Полярный мишка удивлен недаром, таких встреч ему еще не приходилось видеть!

1934 год был Первым Международным полярным годом, и

совершил первый воздушный полярный рейс с Земли Франца-Иосифа в Москву. Самолет доставил на «Большую Землю» письма зимовщиков наших по-

в Арктику отправилась международная научная экспедиция. 24 июля дирижабль «Граф Цеппелин ЛЦ-127» покинул Германию. На его борту находилось четверо советских людей — ученые и радист.

Несколько раньше из Архангельска в полярный поход вышел советский ледскот «Малыгин». Было намечено и место встречи ледокола с воздушным кораблем.

27 июля дирижабль достиг Земли Франца-Иосифа. Здесь, в бухте Тихой, его уже поджидал ледскот «Малыгин».

После взаимных приветствий и обмена почтовой корреспонденцией воздушный корабль поднялся в воздух и взял курс на север.

Этому событию и был посвящен выпуск специальных марок.

Знаменательный перелет

Ученые разных стран давно договорились проводить совместные исследования в Арктике. В память Второго Международного полярного года были выпущены советские почтовые марки.

В августе 1932 года советский транспортный самолет

лярных станций. Кроме круглого штемпеля с надписью «Земля Франца-Иосифа», на всех письмах были наклеены памятные марки, стоял треугольный красный штемпель с изображением самолета и надписью, подтверждавший, что письмо доставлено из Арктики на материк именно первым воздушным полярным рейсом 1932 года.

Мы рассказали только о трех эпизодах полярной почты. Сейчас регулярными рейсами советских самолетов организована постоянная почтовая связь с рядом научных полярных станций.

Письма и открытки из ледяных просторов севера — интересные документы истории освоения Арктики.

М. Максимов

Спрашивай!

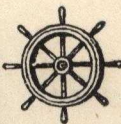
Моряки употребляют слова «барашек», «барашки», а речники, кроме того, еще и «баран». Обозначают ли эти слова животных или что-либо другое?

Кто из русских писателей совершил кругосветное плавание, когда, на каких кораблях и как называются их книги об этих путешествиях?

В бухте „Тихой“

25 лет тому назад была выпущена советская почтовая марка с таким рисунком: взобравшись на ледяную глыбу, белый медведь с недоумением всматривается на непонятную для него картину: среди пловучих льдов остановился ледскот, над которым летит гигантский

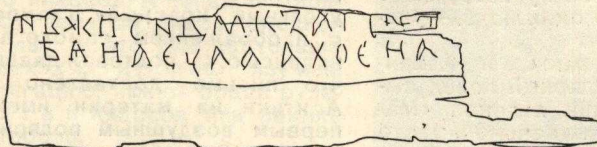

НА ПОЛОСКЕ БЕРЕСТЫ

Л. Успенский

Лет шестьсот назад вдоль главной улицы Господина Великого Новгорода — она тогда называлась Великой — шли по бревенчатой мостовой трое мальчуганов. Они шли не торопясь, глазели вокруг, смеялись, шалили... Одному пришла в голову занятная мысль. Он взял кусочек свежей бересты и то ли железным гвоздем, то ли осколком кости нацарапал на нем два странных, совершенно бессмысленных ряда букв:

Провозился мальчик долго. Однако ни в верхней строке, ни в нижней, как их ни читай, никакого смысла не было.

Сделав это, мальчишка ухмыльнулся и, сунув шедшему рядом с ним товарищу бересту, сказал: «Поддай ему!»

Ничего не подозревающий паренек передал записку третьему. Тот прочитал и вдруг, рассердясь, оторвал от берестяной ленточки конец, швырнул клочки в уличную грязь и даже затоптал их ногами...

А потом они ушли... Год за годом протекло шесть столетий. В Новгороде всё это время кипела жизнь, разрушались и вновь возводились строения; поверх старых мостовых настилались новые. Берестяная грамота всё глубже

уходила в землю. А береста в сырой земле сохраняется удивительно хорошо.

В 1951 году ученые-археологи производили в Новгороде раскопки. Осторожно проникали они глубже и глубже в старую новгородскую почву, и из-под нее на свет выходили драгоценные остатки давно отцветшей жизни: фундамент дома, построенного в XI веке, бревна мостовой, уложенной столетием позже, потерянная ко-

гда-то золотая печать, весла быстрых «лодей» и «насадов», на которых в древности ездили по рекам и «богатые гости», и простые волховские рыбаки, и воины. Находкам радовались, но не удивлялись: такие вещи насчитывались в музее уже сотнями.

И вдруг, 25 июня 1951 года, случилось неожиданное. Из земли показался кусочек бересты, на котором сквозь многовековую грязь проступали смутные черты... Уж не буквы ли?

Да, то были древние славянские буквы! Клочок березовой коры когда-то был письмом. И письмо это, написанное столетия назад, дошло до нас.

Трудно передать волнение, охватившее археологов. Они и до

этого дорожили каждой строчкой, дошедшей до нас от былых веков. Но давно уже были взяты на учет и прочитаны от корки до корки все древние рукописи. Известны архивы, где они сохранились, исследованы и места, где их можно было обнаружить. А теперь?

За первой берестяной грамотой последовала вторая, третья, десятая, сороковая и, наконец, почти год спустя дошла очередь и до того обрывка с двумя загадочными строчками, который шестьсот лет пролежал в сырой грязи между двумя бревнами давно исчезнувшей Великой улицы. Руки ученого потревожили его на глубине в два метра и восемьдесят три сантиметра.

Берестяную ленточку бережно очистили, расправили, сфотографировали и присвоили ей номер: сорок шестая грамота! И вот невзрачная полоска эта лежит на столе профессора А. В. Арциховского. Она мало изменилась за минувшие шестьсот лет. Теперь очень важно было узнать, что именно написано на ней.

Чтобы сделать это, ученый прежде всего должен оценить «возраст» нового документа. Он изучает форму букв, — форма, по черк может сказать многое. Правда, букв тут слишком мало, да и написаны они довольно небрежно. И всё же очертания некоторых из них характерны для четырнадцатого века: ни сотней лет раньше, ни веком позже никто не писал такого «А», такого «Юса», такого «У».

Но есть и другие соображения, которые лишний раз подтверждают, что возраст этой грамоты именно шестьсот лет.

Улицы свои новгородцы мостили четыре раза в столетие. Не разрушая старого настила, они всегда клали новые бревна поверх старых. Так продолжалось много веков подряд. И по этой своеобразной «бревенчатой таблице» можно попытаться определить, к какому времени относится найденная грамота.

Нашли ее на «десятом ярусе мостовой». Значит, она могла упасть на ее бревна только в самом конце тринадцатого или в начале четырнадцатого столетия.

Показания букв подтверждают: «палеография» (наука о древнем письме, о его почерках) и «стратиграфия» (наука о слоях земли на месте раскопок) говорят одно и то же. Значит, четырнадцатый век! Но что же означают таинственные строки?

НВЖПСНДМКЗАТСЦ
ЕЪЯИАЕУАААХОЕИА

Не шифр ли это какой-нибудь древних времен?

Долго ломал голову профессор А. В. Арциховский над берестяной загадкой, зато, когда решение открылось ему, он невольно улыбнулся.

Попробуйте прочесть надпись, беря буквы поочередно, то из верхней строчки, то из нижней. Что получается?

НЕВЕЖЯПИСАНЕДУМАКАЗА-
АХТОСЕЦИТА...

То есть: «невежа писал, недума казал (показывал), а кто се читал...». Дальше всё оторвано. Наверно, обидно выразился «невежа», который писа, про того,

«кто се чита», раз этот читатель с сердцем разорвал грамотку-насмешку и швырнул ее прочь.

Казалось бы, всё это только забавно. Но ведь вот что интересно: до сих пор считалось, что грамотой владели тогда лишь немногие счастливицы. — монахи, дьяки в приказах да одиночки из богатых и знатных людей.

Так думали вчера. А сегодня у историков — праздник. Таких и подобных ему обрывков березовой коры найдено в Новгороде уже около двухсот. И каждый из них — великая драгоценность для науки. Они дружно свидетельствуют, что в древней Руси было гораздо больше грамотных, владевших письмом людей. А мы, их правнуки, читаем сегодня слова, написанные ими. И всё это благодаря упрым искателям прошлого — археологам.

Может возникнуть вопрос: уж не стоит ли тогда везде и всюду начать искать в земле такие грамоты? Березы-то ведь растут у нас на севере повсеместно. Сколько же драгоценных документов может быть еще найдено!

Однако подобные предположения ошибочны. Береста действительно есть везде, а вот сохраняться в земле она может далеко не всюду. В Новгороде — особая почва. Она как бы консервирует всякие деревянные остатки.

Конечно, и в других городах когда-то писались такие же грамоты. И там они выбрасывались, покрывались слоями земли. Но от них уже давным-давно ничего не осталось, кроме шепоток перегноя. Вот почему Новгород оказывается как бы огромной хранильницей удивительных документов, подобных которой нет нигде.

Чем же так ценны эти клочки бересты?

Прежде всего тем, что все они — совершенно разные. Из частного письма мы узнаем о том,

как назывались всякие виды одежды, утвари, рабочий инструмент, причем как раз именно такие, о которых никогда раньше не упоминалось в официальных грамотах, летописях или царских указах.

Из долговой расписки или распоряжения хозяина своему управителю становятся известны названия всевозможных мер и весов, слова, означающие неведомые нам способы работы или расчета за сделанное.

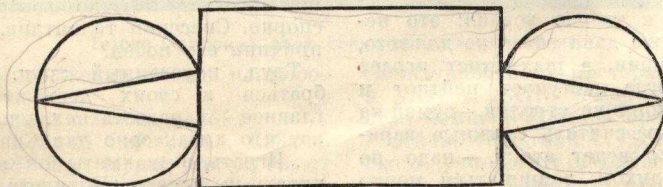
При этом важно еще и то, что написаны все эти документы не изящным языком, каким писали ученые дьяки и монахи-летописцы. Живой разговорный язык народа, выразительный, гибкий, изменчивый звучит перед нами в первый раз.

Вот и наша маленькая грамотка-шутка — она тоже написана по тогдашней орфографии. Тот, кто писал ее, правильно второе «Е» в слове «невежа» изобразил в виде «ятя»; так тогда и полагалось. Он правильно поставил незнакомую вам букву «юс» там, где ему слышался звук «я». Так и надо было!

Автор грамоты был типичным новгородцем, и говорил так, как говорили вокруг него. Вместо «ч» он произносил «ц», «цокал». Поэтому и писал он «цитати», а не «читати». Даже в наши дни во многих районах Новгородской области старые люди так же произносят слова, в которых есть буква «ч», и говорят «цорный», «цисто», «цervяк».

Но самое важное, что мы узнаем из новгородских берестяных грамот, — это то, что немало наших предков умело и читать и писать. Сообщения об их жизни дошли до нас. Почтовым ящиком оказалась удивительная новгородская земля, почталонами — ученые-археологи. Будем же благодарны им за это.

Нарисуйте эту фигуру,
не отрывая пера

ШАХМАТЫ

Под редакцией
международного гроссмейстера,
чемпиона СССР М. Тайманова

САМЫЙ МОЛОДОЙ ГРОССМЕЙСТЕР

Швеция. Город Гетебоог. Идет турнир, в котором участвует 21 шахматист — представители разных стран. Всё это — многоопытные, закаленные бойцы, гроссмейстеры, за плечами которых сотни ответственных состязаний. Среди них странно видеть 18-летнего угловатого подростка. Советские шахматисты зовут его попросту «Борей», а иногда — ласково — «малышом»; пожилой литовский мастер Микенас даже называет «сыночком».

Многие корреспонденты и болельщики смотрят с улыбкой на молчаливого, сосредоточенного паренька. Уж очень юн! Правда, советский студент-первокурсник приехал на этот турнир прямо из Бельгии, где он всего неделю назад завоевал звание чемпиона мира среди юношей, но всё-таки... Одно дело — быть первым среди юношей, и совсем другое — сразаться со взрослыми, сильнейшими шахматистами мира.

Поначалу казалось, что корреспонденты правы. Закончилась первая половина состязания, а Борис Спасский шел отнюдь не блестяще. Очевидно, сказалась усталость: ведь Спасский не успел отдохнуть после юношеского первенства мира. Когда до конца оставалось всего пять туров, тренер Спасского — гроссмейстер Толуш — долго беседовал со своим воспитанником. Положение создалось тяжелое: надо было в последних пяти партиях набрать три с половиной очка. Только тогда Спасский мог попасть в заветную «девятку» победителей, один из которых впоследствии получит право на матч с Ботвинником.

На финише набрать $3\frac{1}{2}$ очка из пяти! В таком сильном турнире это казалось почти невозможным. И всё же...

Тренер сказал Борису: надо во что бы то ни стало черными выиграть у гроссмейстера Штальберга (Швеция), победить «непробиваемого» Филиппа (Чехословакия) и остальные три партии свести вничью.

— Попробую! — сказал Борис.

Есть такая шутка: «Чем отличается шахматист от футболиста?» Ответ: «Футболист играет ногами, изредка — головой; шахматист играет головой и никогда — ногами».

Спасский уже давно и твердо усвоил: это неправда. Футболисту голова дана вовсе не для того, чтобы лишь отбивать мячи, а шахматист играет не только головой. Когда наступает цейтнот и флажок уже висит на кончике стрелки, — сумей-ка быстро и безошибочно рассчитать сложные варианты! Когда противник ведет атаку, — надо не растеряться, не пасть духом, защищаться цепко и отважно. Для этого нужна сильная воля, выдержка, крепкие нервы. А это дает спорт.

Борис Спасский в детстве

Спасский еще мальчиком с увлечением занимался спортом: коньками, легкой атлетикой, плаванием, волейболом, баскетболом. По прыжкам в высоту, например, у него второй разряд.

И сейчас, на финише трудного состязания, спортивная закалка помогла ему. Участники уже утомились, нервы у всех были напряжены до предела. Спасский же и в Гетеборге не забывал о спорте. Каждый день ходил он в бассейн, по утрам обязательно делал зарядку, в свободные часы играл в пинг-понг.

И вот случилось «чудо» — юноша, казалось не имевший шансов на успех, вдруг сделал «рывок», набрал $3\frac{1}{2}$ очка из 5 и догнал лидеров. Он точно выполнил задание тренера.

Этот изумительный финиш удивил многих. Озадаченный гроссмейстер Флор даже заявил не то в шутку, не то всерьез, что теперь уже неловко называть Спасского «Борей», и отныне стал величать юношу «Борисом Васильевичем».

На этом турнире Спасский получил звание «международного гроссмейстера».

Чем же объяснить блестящие успехи молодого шахматиста? Обычно говорят: талант. Да, бесспорно, Спасский талантлив. Но только ли в этом причина его побед?

Труд, неустанный труд, умение трезво разбираться в своих достижениях и недостатках, главное — в недостатках, упорная борьба с ними — вот что характерно для Спасского.

...Играть в шахматы он научился раньше, чем читать и писать. Пятилетним мальчиком увидел Боря точеные деревянные фигурки, которые совершали странные прыжки по черным и белым

квадратикам доски. Старшие ребята снисходительно сообщили малышу правила мудреной игры.

Когда Боре было девять лет, он уже проводил целые матчи со своим постоянным противником — старшим братом Георгием. Легом мальчишки с самого утра уезжали в ЦПКО, прямо с трамвая направлялись в тенистый шахматный павильон и увлеченно сражались почти без перерыва до позднего вечера. Одно лишь было плохо: Георгий не любил проигрывать. Получив мат, он злился, хмурился и зачастую прибегал к приемам, не предусмотренным ни в одних правилах шахматных состязаний — попросту пускал в ход кулаки.

Наступила осень. Парк культуры и отдыха закрылся. Но Боря не хотел бросать любимую игру. Он пошел во Дворец пионеров, где шахматной секцией руководил В. Г. Зак. Когда Борису было 10 лет, он уже получил второй разряд, а затем и первый.

Вот какое окончание сложилось в одной из партий 12-летнего Бориса. Белыми играл Спасский, черными — Автономов (юношеское первенство Ленинграда, 1949 г.):

Белые: Kpg1, Фе2, Jd1, Ла1, Св3, Сс1, Кf3, Кс3, пп а2 в2, d4, f2, g2, h2 (14)

Черные: Кре8, Фд8, Ла8, Лh8, Св7, Cf8, Кв4, Кf6, пп а6, в5, е6, f7, q7, h7, (14)

12. d4—d5! Жертвой пешки белые надолго задерживают короля черных в центре доски.

12... Кв4: d5 В случае 12... С: d5 последует просто 13. а3 Кс 6 14. С: d5 с выигрышем фигуры.

13. Сс1—g5 Чтобы удержать пункт d5, черные вы-

Фд8: d5 20. Фе2: е7 + Kpf8—g8 21. Фе7: f6 Черные сдались.

Как видно по этой партии, уже в те годы Борис играл хорошо, безошибочно рассчитывал сложные варианты, побеждал сильных противников. И всё-таки он чувствовал: что-то у него не клеится.

В 1952 году Спасский познакомился с гроссмейстером Александром Казимировичем Толушем, который с тех пор стал его бессменным тренером. Толуш указал Спасскому на те пробелы в его игре, которые уже ощущал и сам Спасский. Борис в те годы играл сухо, чересчур осторожно, не любил рисковать. Сейчас тем, кто знает нынешний боевой, комбинационный стиль игры Спасского, это покажется странным. И всё же — это было именно так.

Толуш — шахматист острокомбинационного, атакующего стиля. Именно такой тренер нужен был Спасскому.

— Надо тебе перестроить всю свою систему игры, — сурово сказал тренер Борису. — Иначе больших достижений не жди. Это, конечно, трудно. Очень трудно. Но необходимо...

Спасский понимал, — наступил переломный момент в его шахматной жизни. И тут юноша доказал, что он обладает сильной волей, настойчивостью, мужеством. Тяжело ломать свой стиль — это, пожалуй, самое трудное в спорте. Но он сделал это. И будущее показало, что тренер был прав.

С тех пор последовала целая полоса больших успехов Спасского. В первенстве Ленинграда он занял второе место (после Тайманова), на международном турнире в Бухаресте получил звание

Борис Спасский дает сеанс одновременной игры

нуждены ослабить расположение пешек на королевском фланге.

13. ..Cf8—e7 Белые грозили взятием на d5.

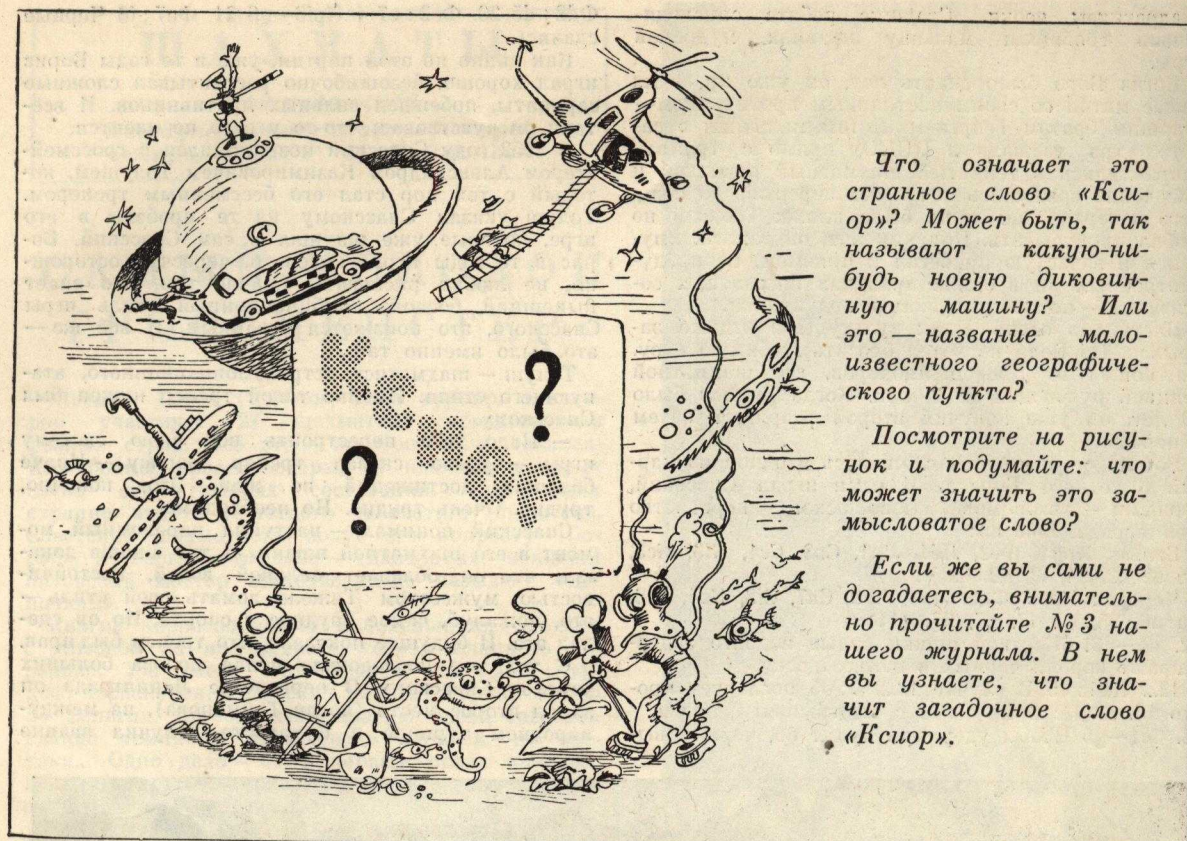
14. Сg5: f6 g7: f6 15. Кс3: d5 Сb7: d5 16. Сb3: d5 е6: d5 17. Кf3—d4 Кре8—f8. (Черные не успевают рокировать из-за 18. Кf5 с последующим Фg4+)

18. Кd4—f5 h7—h5 (проигрывало также 18... Сс5 из-за 19. b4! Сb6 20. Л: d5! и т. д.) 19. Jd1: d5

«международного мастера». Отлично выступал он в XXII и XXIII чемпионатах СССР, в 1955 году стал чемпионом мира среди юношей.

Сейчас 19-летний студент 2-го курса Ленинградского университета Борис Спасский — самый молодой гроссмейстер мира — является в то же время одним из сильнейших шахматистов мира.

В. Риевский

Что означает это странное слово «Ксиор»? Может быть, так называют какую-нибудь новую диковинную машину? Или это — название малоизвестного географического пункта?

Посмотрите на рисунок и подумайте: что может значить это замысловатое слово?

Если же вы сами не догадаетесь, внимательно прочитайте № 3 нашего журнала. В нем вы узнаете, что значит загадочное слово «Ксиор».

СОДЕРЖАНИЕ

Сын геолога. Стихи Л. Стекольников. Рис. Н. Кустова	1
Ласточка. Рассказ Е. Верейской Рис. Н. Лямина	2
Огни полярной ночи. Очерк Е. Полякова	8
В поисках ягеля	9
Встреча в Пери. Очерк Л. Семина. Фото Ю. Веселова	10
Храбрый братец-кролик. Народная сказка негров Северной Америки. Перевел и обработал. Л. Хвостенко. Рисунки Е. Чарушина	12
На целине. Стихи А. Крюкова	16
Морской камешек. Стихи Е. Серовой. На вклейке рисунок А. Пахомова	16
Палитра цветка. Очерк В. Корсунской. На вклейке рисунок В. Юсигенко	17
На Херсонской, 5. Очерк А. Орлянского. Рисунок В. Ветрогонского	18
Стихи твоих ровесников	19
Ватага из Сан Лоренцо. Повесть М. Арджилли (продолжение). Перевод А. Горского и С. Полтавского. Рис. Н. Петровой	20
Мирная артиллерия. Очерк Ю. Шуколюкова. Рис. В. Свешникова	30
У школьников Кореи. На вклейке рис. Пен Варлена	32
Как это удалось?	32
Будущим пловцам. Рассказывает Н. Алешина. Фото Р. Геллегрена	33
Воробьиные шефы. Рассказ Александра Пунченка. Рисунки В. Куприянова	36
Загадка рудника Зеленого Дракона. (продолжение). Рис. В. Сердкисва	39
„Кон-Тики и я“	41
Морская газета № 2. Оформление Н. Кузнецова	42
На полоске бересты. Очерк Л. Успенского	44
Самый молодой гроссмейстер. Очерк Б. Раевского. Под редакцией М. Тайманова	46
Ксиор	48
На обложке рисунок Н. Носкович „Проводы старшего брата“.	
На 2-ой стр. обл. „Голуби“, стихи Н. Новоселова.	
На 3-ей стр. обл. „Иван Франко“	
На 4-ой стр. обл. „Унылый и веселый“ Стихи Погореловского. Рисунок В. Гальба.	

Редактор Н. Ф. Григорьев

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставка, Г. М. Сосенкова, В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Е. Л. Швари, Е. М. Шереметьева, Ю. А. Эшман

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Ответственный секретарь
Н. В. Терebinская

Технический редактор
И. И. Рычков

Корректор В. Г. Любецкая

Адрес редакции: Ленинград, наб. Кутузова, 6, тел. Ж 3-23-63, комм. Ж 3-72-11 и Ж 3-72-12.
М. 30437. Подп. к печати 7/VIII. Формат бум. 84×108^{1/16}. Печ. лист. 6+2 вкл., усл. 5,41, уч.-изд. 6,6.

Тираж 100.000 экз. Заказ № 1305.

Рукописи не возвращаются.

4-я типография им. Евг. Соколовой. Измайловский, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати

ИВАН ФРАНКО

„Как сын крестьянина, вскормленный черствым мужицким хлебом, я считал своей обязанностью отдать труд своей жизни простому народу“, — говорил великий украинский писатель Иван Франко.

Сын кузнеца, Иван Франко родился сто лет тому назад в деревне Нагуевичи, в Галиции. С детства полюбилось ему приволье Прикарпатья — дубравы, холмы, лашны, соловьиный щебет в садах.

Но еще мальчиком Иван узнал: трудно живется его родным, его односельчанам, его народу. Сколько раз, притаившись в углу отцовской кузницы, мальчик слышал разговоры взрослых о том, как притесняют крестьян польские паны и чиновники Австрийской империи, в состав которой входила тогда Западная Украина.

„Воспитанный в суровой школе, я с малых лет усвоил две заповеди: первая — сознание долга перед народом, вторая — необходимость неутомимой работы“.

В те времена немногим выходцам из народа удавалось получить образование. Но Франко находил мужество переносить лишения, зарабатывать грошовыми уроками средства на жизнь, отказывал себе во всем, чтобы купить книгу.

Он понимал: его знания будут полезны не ему одному, но и его народу, тем обездоленным беднякам, что влачили свои дни в темноте и бесправии.

Еще юношей Франко начал писать стихи и повести.

Знакомство с творчеством Шевченко, передовых русских писателей — Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и других — помогло Франко найти свой путь — путь писателя-революционера. Русские писатели-демократы звали народ на борьбу с само-

державием, с угнетением. Значит, и украинский народ должен идти рука об руку с русским народом, бороться сообща, — пришел к выводу Франко.

„Я старался приобщить наш народ к культурным сокровищам“, — говорил Франко и переводил книги лучших русских писателей и классиков западной литературы.

Великий украинский писатель не забывал детей. Для них он написал книгу „Когда звери еще говорили“, рассказал сказку про Лиса Микиту, в стихах передал историю Дон Кихота.

Франко был удостоен ученой степени доктора философии. Но власти не допустили его преподавать во Львовском университете.

„Поле забрали кулацкие руки,
Сельские школы не сеют науки,
...Зло и неправда над правдой
смеется...“

Мудрые, правда воспрянет ли
скоро?“

Франко верил, что настанет час освобождения его родного народа...

Этот день для народа Галиции наступил. Западная Украина стала свободной, ее больше не притесняют чужеземцы, помещики и фабриканты.

Франко сказал: „Песня и труд — две великие силы,

Им я до смерти желаю служить“.

И сдержал слово.

Всё передовое человечество помнит писателя-революционера, того, кто словом и делом отстаивал права труженика, кто указывал угнетенному путь к труду и свободе.

Бронзовая медаль по макету украинских художников Хотинюка и Олейника. Чеканится на Монетном дворе в Ленинграде.

С. Погореловский.

Рисунки В. Гальба.

Брел Унылый, уныло вздыхая,
И уныло качал головой,

А Веселый, напевая,
Рядом шел по мостовой.

Тучу в небе Унылый увидел
И захныкал: „Ах, дождик опять!“

А Веселый не в обиде:

— Буду лодочки пускать!

— Что ты! Ливень начнется, быть может!
Всё зальет, всё затопит кругом...

— Всё затопит? Ну и что же?!

Плот построю, — поплывем.

— Ах, наш плот опрокинет волною!
Я погибну, пойду я ко дну!..

— Не пойдешь, плыви за мною,
Остров близко, — дотяну.

— Ой, а если там пусто и дико, —
Кушать нечего, не на чем спать?!

— Чем не завтрак — земляника?!

Чем лужайка — не кровать?!

— Ах, а вдруг на лужайке — крапива!
Обожжет мне и спину и грудь!..

— Ну крапива — что за диво!
Потерпи уж как-нибудь.

Но Унылый уже разрыдался,
Льются слезы соленой рекой.

А Веселый рассмеялся:

— Никудышный ты какой!

